

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО

25 OCTOBRE 1935.

LES COSAQUES LIBRES

VIIIe ANNEE

25 ОКТЯБРЯ 1935 г.

185

25 ЖОВТНЯ 1935 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 8-й

РІК ВИДАННЯ 8-ий

Ж. Тингон

С о д е р ж а н и е :

1. **Сергей Маргушин:** Донцы прежде и теперь.
 2. Накануне событий.
 3. Трагедия Казачества.
 4. **Николай Посохов:** Путиами предков.
 5. **А. Ленивов:** Наказный Атаман ген. М. Н. Граббе.
 6. **М. Мерзликин:** Ермак и Строгановы.
 7. Думы и мысли.
 8. **Чикомас:** Казачье зеркало.
 9. Казачья эмиграция.
-

П о ч т о в ы й я щ и к :

Харбин. И. К. — Каждый номер посылаем Вам исправно. Не наша вина, если он не доходит к Вам исправно. — Добьются своего и казаки, если все будут идти к одной цели и будут дружны, если не позволят разделять себя своим противникам. Привет.

Лиль. В. Б. — Ответ — письмом. Привет.

Цербст. Г. М. — Открытка получена. Журнал посылается. Привет.

Сев. Америка М.. Г. — Получено. Спасибо. Желаем скорейшего выздоровления. Привет.

Петровград. Я. М. — Высылается. Привет.

Ужица. П. Т. — Исполнено. Привет.

Св. Леон. В. Д. — Хорошо. Привет.

Пловдив. И. Ц. — Ответ послан. Привет.

Бельгия Н. Б. — Получено. Привет.

Калиф. Хув. библи. — Послано.

Царьгород. М. З. — Получено. Привет.

**Всем, поздравившим нас со Всеказачьим праздником
Покрова Пресвятыя Богородицы, — казачье спасибо!**

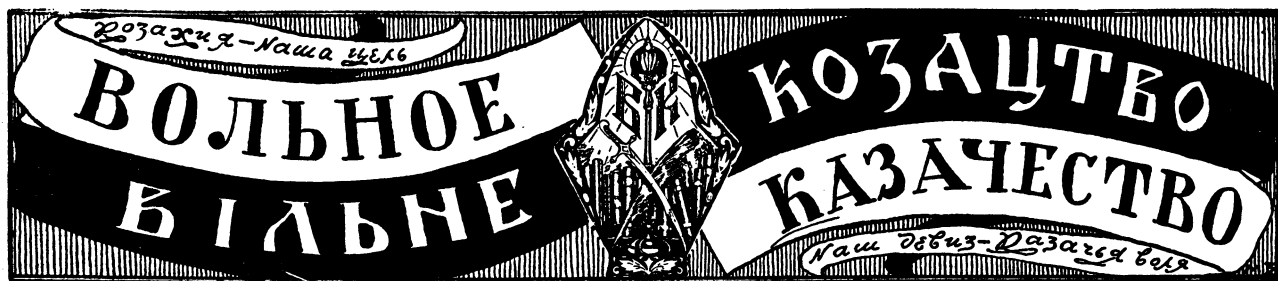
ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.

— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 185

Пятница 25 октября 1935. — Пятница 25 жовтня 1935.

№ 185

Сергей Маргушин

Донцы прежде и теперь

1708 год. Черкасск — столица Вольного Дона. Гневными седыми волнами бьется о берега и стонет Тихий Дон... Зловеще гудит колокол Черкасского собора... Вдали видны зарева пылающих городков, клубы черного дыма и колонны отступающих донцов...

На Черкасском майдане шумит, гудит Казачий Круг — Вече Дона...

— Как атаман, как верный сын родного Дона, я вас собрал, мои донцы, последний раз в Донской земле... — гремит голос Атамана... — Дон гибнет!... Мы разбиты!... Отступаем... Кругом предательство... Измена... Отряды русские Донскую землю заняли... Предали все огню, мечу, как турки-нехристи... татары!.. С Хопра, Медведицы и др. низовьев Дона — несется стон и льется кровь невинных женщин и детей... Стаи виселиц с казачьими телами плывут по Дону для устрашения нас... Закабалить... Забить в колодки хочет нас Москва!.. Пытается стереть с земли Казачье имя и всех нас русскими назвать!.. Мы — казаки!.. Тут наше все: поля, вода, луга и степь!.. За эту степь... За поле дикое — казачья кровь прапращуров лилась!.. Атаманы-молодцы, старшины, Круг, все доблестное Войско — вперед на полчища Петра!.. Станьте друг за друга, брат за брата, отец за сына, сын за отца... За Дон, Казачество и Волю!!!!

— За Дон, Казачество и Волю! Кто изменит Дону — в куль да в воду!!!! — Огласилась криком степь...

И снова грянул бой... Казачья шашка вновь скрестилась с русским тесаком!.. И бьется Дон... И льется кровь... Но давит Русь несметной силой... Нет поддержки ни откуда... Гнется Дон...

И сдался он, в борьбе своей одинокий... За-

стонал, залитый кровью рыцарь степовой... Склонил свою выю пред жестокой Москвой...

Потянулись остатки непокорных донцов на чужбину далеку... Захватили они Донской земли в ладонки, как благословенья Дона... Кланяются они Тихому низко, прощаясь с ним на-веки...

В земле турецкого султана живут донцы. Хранят казачий дух, донской обычай и веру во Христа. Порой, собравшись в карагоды, поют заунывную родную песню:

Што-жа ты кормилец наш,

Дон Иванович,

Все быстер-то бегиш, все мутнехунок?..

Помутилс ты с Верху до Низу...

Раскидал ты нас по чужой земле...

Ты за што-ж на нас распригнелс?..»

И пишут они «грозну грамоту на Москву царю»: — «От изгнанных тобою, с чужой Земли, от казаков — мы шлем тебе, Московский царь, посланье. Отныне ведай, царь, што наша кровь, пролитая твоим народом, к Небу вопиет и мщенья просит!.. Народ казачий не забудет пожаращ подону городков, распятия бород казачьих на Урале и разоренья Запорожской Сечи!.. Из поколения в поколение передастся кровавое деяние Руси!.. Наступит день и царство ее распадется! Единим станет разрозненное Казачество! И от Уральского хребта и до твердынь Азова — Казачье Царство расцветет!..»

И садились, отважные из отважных, на утлые челны и скрывались в волнах Черного моря... И мчались с грамотой они туда, где сиротливо стояли курганы... Где о подавленной Воле Казачь-

ей, даже степной ветер, обнявшись, плакал с донским ковылем...

.....
То было прежде... А теперь? —

1917 год. Кровавые волны революции покрыли всю Россию. В красный цвет окрасилась Русь крестьянская. Распоясалась «богоносная». Разорив храмы... Поправ святыни... Опыяненная дурманом свободы — двинулась на Казачьи Земли... И всколыхнулся пограничный Вольный Дон... Зажглись сполохи на Кубани, Волге, Тереке, Урале... Повстало разрозненное Казачество, не успевшее слиться в одно Казачье Государство встало на защиту своих Войск-республик. от кроважного седа...

Как богатырь, оделся в броню Дон, бесстрашно стал лицом к врагу!... Как будто бы открылись могилы... разверзлись гробы... и вышли прадеды, погибшие за Дон... Воскресли Атаманы: Разин, Булавин, Ермак, Некрасов, Пугачев... и тени их витали над восставшим Доном... Отец и сын, дед со внуком костями ложатся на полях и головы кладут за самостийный Вольный Дон... Один идет на двадцать... Неравен бой... То стонет Дон, подавленный, то снова восстает и с новой силой в бой вступает!... Казачья кровь смешалась с волнами Дона...

В Новочеркасске, в столице Вольного Дона, в зале дворянского Соборания — восседает Донской Казачий Круг — парламент Дона. Князья, сановники, вся знать бывлой России, как воронье слеталось на Дон... Как змеи, шипя и извиваясь возле Круга, шушукая «царя» и каркая «единую», — решали судьбу самостийного Дона...

— Как Атаман Всевеликого Войска Донского, робко звучит голос Главы Донского Государства, я вас зову спасти Россию от красной нечисти... Дон без России, Россия без Дона жить не могут... Вперед за Единую Неделимую Россию матушку, за Царя батюшку!.. За Москву нашу Белокаменную!.. За малиновый перезвон Кремлевских колоколов!..

...И поникли головы донских депутатов... Нехватило у них силы-волюшки крикнуть по-старинному: — «Кто изменит Дону, — в куль да в воду!».

Опустились могучие руки бойцов... Казачьи шашки «притупились» — спасти Россию от русских — и стали тяжелы! Дрогнули донцы... Рухнул фронт... Исчезли тени вождей Атаманов... Закрылись старые могилы-курганы... Выросли новые, свежие, только что павших собратьев... И Дон, как встарь, залитый кровью, застонал под гнетом «матушки» России... Застонало все разрозненное Казачество... И, как прежде, так и теперь, потянулись казаки на чужбину далеко... Идут они с боем, шаг за шагом оставляя родную землю, станицы, хутора... Тянутся они по старой дороге изгнанных предков... Тянутся в земли чужие...

.....
На бесприветливой чужбине, в эмигрантских злыднях — не пали духом донцы. Не остались они одиноки, как прежде. Слились они с братьями казаками других казачьих рек в один Вольноказачий монолит, во главе с Походным Атаманом всего Вольного Казачества — Вильного Козацтва! Не поют уже, как прежде, заунывную песню, а объединенным Вольно-казачьим хором льется полная вызова общеказачья:

«За Волгу, Урал и за горы,
За Терек, Кубань и за Дон,
За наши степные просторы
Пойдем мы бороться с врагом!
За Казакию — нашу Отчизну —
Пойдем на решительный бой;
На курганах отпразднуем тризну
Сраженным за Край наш родной».

Не садятся, как прежде, на утлые челны и не везут грамоту «на Москву царю», а пускают они «Черного Всадника» с Вольно-казачьим знаменем туда, — где Степи Казачьи кромсают чужие пришельцы... Где под гнетом красных русских оккупантов одинаково стонут в неволе и Дон, и Кубань... Волга, Терек и Урал...

И мчится бесстрашный «Черный Всадник» в предраассветном синем тумане... Мчится навстречу восходящему солнцу казачьей державы — *Казакши!*...

Интересное признание

Письмо (ответ председателя Гл. Избират. Комиссии *И. Н. Ефремова* к проф. *С. Г. Сватикову*, писанное 1 августа сего 1935 года (копия его предоставлена в наше распоряжение *С. Г. Сватиковым*):

«Комиссия (Гл. Избирательная) решила, вопреки моему мнению, не опубликовывать итоги выборов, опасаясь, что цифра пяти с лишним тысяч голосовавших — мала и произведет неблагоприятное впечатление на иностранные правительства и умалит авторитет избранного Атамана. Эту общую цифру с распределением голосов между 3 кандидатами решено сообщить Донским казачьим организациям и отдельным казакам, о том спрашивающим, но «не для печати»... Что же касается распределения цифры между странами, то оглашать ее значило бы нарушить тайну голосования и оповещать всем, что казаки такой-то страны голосовали за Граббе, а такой-то за Попова. Это совершенно правильно признано комиссией недопустимым».

Накануне событий

Трудно сказать наперед, как будут развиваться дальше и чем кончатся события в Европе, вызванные и вызываемые Итало-Абиссинским конфликтом в Африке, но и сейчас уже несомненно одно: события эти, каковы бы они ни были и чем бы они не кончились, положат начало к созданию новой обстановки в Европе. Уже сейчас, совершенно ясно для всех, что Итало-Английские «недоразумения» хоронят последние остатки созданной во время прошлой Великой войны Антанты.

Повторяем: сегодня еще нельзя сказать, чем кончится конфликт Итало-Английский из-за Абиссинии, прикрываемый формально конфликтом между Лигой Наций и Италией. Судя по поведению непосредственно заинтересованных сторон, вооруженное столкновение не исключается. Но если даже удастся найти в данном случае и мирное решение спорных вопросов, если Италия вынуждена будет уступить Англии и Франции, она никогда этого не забудет и вряд ли когда с этим примирится навсегда.

Если Англия сейчас не уступит, Италия будет считать, что она два раза ошиблась в своих расчетах. — Ни для кого не секрет, что Италия считает себя «обойденной» послевоенными договорами, не давшими ей всего того, на что она рассчитывала, вступая в общий фронт Антанты. Сейчас она считает, что ее бывшие союзники первыми стали на ее дороге к будущему. — Антанта дала ей слишком мало в прошлом и не дает того, чего она хочет в настоящем. — Ясно, что Италия будет искать иных выходов (если уже не ищет).

Ситуацию сегодняшнего дня читатели знают из ежедневной прессы: Италия продолжает военные операции в Абиссинии. Англия сосредоточила весь флот в Средиземном море. Лига Наций приняла решение о применении против Италии финансовых и экономических санкций, но отсрочила фактическое применение их до 1 ноября. Франция, игравшая все время роль посредника и примирителя между Англией и Италией, стала, в конце концов, на сторону Англии. Это, конечно, теперешнюю позицию Италии в Европе значительно ослабит.

Об итальянских настроениях можно судить по прессе, отражающей и настроения правительственные. Мирясь (как мирятся с тем, чего нет силы изменить) с санкциями экономическими, итальянцы не скрывают серьезности положения. «Кто погручится, спрашивает «Мессаджери», что завтра Лига (Наций), придав делу трагический оборот, не доведет до краха всей западной цивилизации?» Итальянцы считают, что «Лига Наций не есть самостоятельное учреждение: оно является функцией Англии и поведения Женевы всецело зависит от того, как намерена поступить в данном случае Англия». — Так пишет «Коррьере делла Сера» и подчеркивает: «размолвка между Римом и Лондоном начинает превращаться в угрозу для всей европейской цивилизации». «Джорнале д'Италия» за-

являет, теперь уже, что «проект экономических санкций для Италии неприемлем... Эмбарго означает блокаду, а блокада есть военная мера... Но, что бы ни случилось, Италия будет стоять твердо на своем посту. Ее сопротивление будет решительным и, если нужно, отчаянным»...

Лига Наций заняла по отношению к Италии теперешнюю позицию прежде всего под давлением Англии. Что в данном случае «таким выдающимся успехом Лига Наций обязана не столько своей собственной организации, сколько исключительно благоприятно сложившемуся международному положению» — пишут даже «П. Н.» (см. номер от 9 октября), т. к. «интерес охраны мира совпал здесь с интересом охраны морских путей и колониальных владений первенствующей и поныне морской и колониальной державы»... — Эти «выдающиеся успехи Лиги Наций» встречают далеко не одинаковое и не единодушное к себе отношение в разных странах. Даже в Англии, настроенной сейчас наиболее единодушно против Италии, раздаются такие вопросы, как: «Какова цель Лиги Наций?» и даются ответы: «Она должна была служить орудием мира. В действительности она оказалась средством вызывать в мире военную опасность»... («Дейли Мейль» 18 окт.).

Более резкие суждения по адресу Лиги Наций можно встретить в прессе французской. Например, «Эко де Пари» 16 октября писало: «Лига Наций», созданная для предотвращения войн, готовится превратить маленький колониальный конфликт во всемирное воссламенение».

В весьма трудном и щекотливом положении оказалась Франция, которая не хотела бы потерять ни английских обязательств, дающих ей некоторые гарантии против Германии, ни недавно восстановленной итальянской дружбы. Этим и объясняется примиренческая политика Франции, глава правительства которой заявил, что «Франция выполнит свои обязательства» (перед Лигой Наций), «но и дружба диктует ей определенный долг».

Нужно сказать, что французское общественное мнение раскололось на два лагеря: один, преимущественно «левый», поддерживает Англию против Италии, другой, выступая против Англии и выражая свои симпатии Италии, ратует против возможной войны с Италией, которой, по мнению этого лагеря, французы не хотят решительно. — Некоторые выдержки из парижской прессы будут характеризовать французские настроения:

«Пти Паризьен» 14 октября призывала: «в качестве искренних друзей Англии; в качестве столь же искренних сторонников франко-итальянского согласия; в качестве защитников стресского фронта (Англия-Франция-Италия); в качестве французов, главной целью которых является сохранение мира; в качестве европейцев, которым дорого хрупкое существование Лиги Наций — мы позволяем себе умолять всех тех, от кого это зависит: будьте смелы! положите конец всеобщей

тревоге! Покуда это еще возможно — не ждите, чтобы стало поздно!» — 15 октября «Матэн» заявляла: «Франция... твердо и непоколебимо решила не проливать ни одной капли крови за монарха работорговца». — 17 октября «Энтрансижан» подчеркивал: «Мы не желаем войны ни сегодня, — ибо сейчас нет ни одного француза, который согласился бы пойти биться с итальянцами, — ни завтра. Мы отдаем себе отчет в том, что для сохранения мира помощь Англии чрезвычайно ценна, но не забываем также, что содействие Италии нам необходимо, в свою очередь»...

Английская печать, с своей стороны, не остается в долгу.

В конце концов английское правительство поставило французскому правительству вопрос ребром: если Франция не пойдет с Англией при применении санкций против Италии, она, Франция, не может рассчитывать на Англию в случае конфликта с Германией. — Франции пришлось выбирать и она выбрала Англию. Франция уже согласилась оказать помощь английскому флоту в Средиземном море в случае, если он подвергнется нападению. В виде уступки, Англия согласилась на отсрочку применения санкций против Италии.

Дальнейшие события будут зависеть от того, в какой степени санкции будут применяться на практике, как далеко пойдет в своем давлении Англия и чем ответит на все это Италия.

Чтобы понять создающийся европейский конфликт, следует к интересам Англии, совпадающим в данном случае с Женевскими «законами», прибавить и совсем не скрываемое желание социалистических и демократических кругов разных стран «посчитаться» при представившемся «удобном случае» с итальянским фашизмом, ставшим, очевидно, им поперек пути. Но, особое внимание следует уделить желаниям, стремлениям и роли Москвы. На эту роль и на эти стремления указывает уже и печать. Вот некоторые голоса:

Немецкая газета «Эссенер Националь Цейтунг» пишет (16 октября): «Свободе больше всего угрожает большевизм. Он хотел бы отбросить не только Германию, но и другие европейские нации, сумевшие освободиться от тисков парламентарного режима, в прежнее состояние внутренних раздоров. Большевизм стремится выиграть игру, которую ведет Италия, Абиссиния, Англия и Лига Наций. Недавно одна большая французская газета писала: Через сутки после падения фашизма в Италии, его место занял бы коммунизм»... — Другая газета, официальный орган германского министерства иностранных дел — «Дипломатисхе унд Политише корресп.» (17 окт.) говорит: «Странно видеть в качестве защитника мира представителя государства, цели которого несовместимы с целями Женевы, которое в столкновениях между государствами видит не зло, подлежащее врачеванию, а только способ осуществить свою собственную конечную цель. Проект санкций, предлагаемый советской Россией, направлен вовсе не к тому, чтобы ограничить конфликт, а, как раз наоборот, к тому, чтобы сделать его всеобщим»...

Итальянская «Лаворо Фашиста» (18 окт.) утверждает: «Италия оказалась предметом игры, разыгрываемой Москвой, которая пытается подбросить в англо-итальянский спор коммунистическую искру»...

Французская газета «Ом либр» (16 окт.) пишет: «Большевикам до сих пор не удавалось заслужить милость английских консерваторов. Теперь представляется к этому удобный случай. Литвинов поспешил в Женеву, чтобы подчеркнуть свое согласие с английскими тезисами. Англо-советское сближение совпало с некоторым англо-французским расхождением. Возможно, что Малая Антанта, стоящая между Францией и СССР, сблизится теперь с Англией. Это только возможности, но с ними надо считаться. Абиссинский конфликт вообще способен привести к переоценке всех европейских ценностей»... — Более определенно говорит большой парижский еженедельник «Грэнгуар» (18 октября): «Больше всех выиграет от братоубийственной войны советская Россия. Такая война весьма помогла бы пропаганде советской доктрины. Стоит только вспомнить преступные выступления Литвинова в Женеве о санкциях против стран, не применяющих санкций против Италии. Нет лучшего способа уже завтра зажечь всеобщий пожар в Европе. Все больше выясняется, что величайший, в сущности — единственный враг цивилизации и мира во всем мире — это Москва»...

Офицюз Римского папы «Обсерваторе Романо» считает большевиков людьми, способными «вызвать революционные гекатомбы ради осуществления своих идей», способными «протестовать во имя пацифизма против Итало-Абиссинской войны и одновременно всеми силами создавать более обширный и более страшный конфликт»...

Сам тов. Литвинов в это время, в заседании «Комитета санкций» (19 окт.) высказывает свое недовольство тем, что «вотированные санкции — не полны, и что комитет явно не хотел идти до конца. Делегат СССР хочет верить, что данный случай не будет принят как прецедент. В будущем возможны другие конфликты, когда санкции должны быть применены в полной мере. Огорчает Литвинова и отсутствие единодушия, т. к. Австрия, Венгрия и Албания сделали оговорки. Одни — мотивируя свою позицию дружбой с Италией, другие — географическим положением, третьи — расовыми соображениями и т. д. — Государство, представляемое мною, закончил Литвинов, является серьезным поставщиком Италии. Наша торговля много потеряет от применения санкций. Тем не менее мы готовы считаться со всем риском, вытекающим из принятых постановлений, и выполним до конца обязательства по пакту»... («П. Н.» 20 окт.).

Как видно, тов. Литвинов не только поддерживает в данном случае Лигу Наций, но готов идти дальше Англии.

Работая на создание «мирового пожара», поддерживая Англию против Италии, товарищи из Москвы не прочь получить (на всякий случай) некоторые гарантии для себя тоже от Англии. 13 октября в московских «Известиях» напечатана

статья тов. Радека об англо-советских отношениях. Сов. присяжный журналист спешит заявить, что ничто отныне не препятствует сближению между СССР и Англией: обе страны в равной мере заинтересованы в организации коллективной безопасности. Конечно, хочет тов. Радек: «Англия должна обязаться принимать и впредь предупредительные меры всякий раз, как общему миру грозит опасность». И обещает: «Только при этом условии Англия могла бы вернуть себе прежний мировой авторитет»...

По японским сведениям Литвинов обратился к английскому правительству с прямым вопросом: готова ли Англия применять санкции и в случае, если нападению подвергнется советская Россия?...

— Не знаем, собирается или не собирается нападать кто на СССР, но что сам СССР только и думает о том, как бы в надлежащий момент, для него выгодный, напасть самому и приобщить потом к своему царству лишнюю советскую социалистическую республику — об этом знает каждый сосед его. Вот почему так мало друзей на границах СССР.

Не знаем также, чем ответит Англия на большевистские предложения и вопросы, но думаем, что Италия переживет еще одно разочарование.

Как известно, вождь фашистской Италии, раздавив и ликвидировав итальянский внутренний большевизм (или коммунизм), считал для себя возможным признавать и даже дружить с большевизмом русским. Рассчеты эти, как теперь видим, не оправдались. Москва идет сейчас в авангарде противников Италии. — Так ошибется всякий, дружащий с СССР, или строящий на нем некоторые свои расчеты. Большевики — друзья не искренние и коварные. — Думаем, что некоторые народы это уже поняли. Остается только пожелать, чтобы список их немного увеличился. Тогда станут, наконец, перед некоторыми народами большие вопросы и большие решения...

Как и передовую статью предыдущего номера, и эту мы можем закончить теми же словами:

Мы не знаем, что будет завтра, но мы должны сегодня уже думать об этом «завтра» и к нему готовиться, чтобы встретить его так, как надлежит встретить его казачьим патриотам, думающим прежде всего о своем народе и о своем отечестве.

Долой оккупантов!

Да здравствует Казакія!

Слава Казачеству!

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III.

(июнь - декабрь 1919 г.)

Ноябрьский переворот на Кубани.

К октябрю 1919 г. окончательно выяснилось, что «Московская директива», данная Деникиным 20-го июня, не может быть осуществлена.

Большевицкая власть разгромила армии адмирала Колчака и к октябрю 1919 г. отбросила их за р. Тобол.

На Туркестанском фронте красные разбили противников и отбросили их в песчаные пустыни, заняв всю Землю Войска Оренбургского, и постепенно сжимали в красных тисках немногочисленную, но чрезвычайно доблестную, армию Яицких казаков.

Северный фронт вступил в период полной ликвидации.

Западный фронт был пассивным и только на подступах к Петрограду вела бои Северо-западная армия белых.

Положение на Южном антибольшевицком фронте становилось грозным: большевики крепко держали в своих руках г. Астрахань и все нижнее течение р. Волги; Кавказская (Кубанская) армия была скована у Царицына; правый фланг Донской армии, не смея оторваться от Кавказской армии, не мог значительно продвинуться на северо-восток и на север; левый фланг Донской армии был связан упорными боями с 8-й сов. армией; казачья конная группа в составе 4-го Донкорпуса и 3-го Кубано-Терского корпуса начала сдвигаться под напором конного корпуса Буденного и правофланговых частей 8-й сов. армии; западная ударная группа советских войск с 1-го октября повела наступление со стороны г. Брянска, а 14-я советская армия производила весьма сильный нажим со стороны р. Десны.

«На пятисотверстном фронте от Бахмача до Запорожска шли тяжелые бои Добровольческой армии против второе превосходившего ее силами противника (20 тысяч против 50-60)», говорит Деникин (Очерки, т. 5-й, стр. 223).

Добровольческая армия уже в первых числах октября отдала большевикам гор. Орел и начала отступать.

Резервов не было.

Выше было отмечено, что правительство Украинской Республики в июле-сентябре 1919 г. делало попытки установить контакт с армиями, бывшими под общим командованием ген. Деникина, с целью согласования борьбы против красной России. Когда же выяснилось, что русские белые не признают «никаких Украин», 11-го сентября 1919 г. Правительство Украины обратилось к своему народу с особым воззванием, в котором, между прочим, было написано:

...«Народе України!

Вже два роки обороняєш ти свою Народню Республіку, яка дає тобі землю і волю. Всенародним повстанням 1918 р. скинута була влада гетьмана Скоропадського. Після того явилися большевики-комуністи, щоб годувати українським хлібом большевицьку Росію. І цього сильного і злого ворога удалося прогнати нашої славної армії. Та замість большевиків широкі простори нашої рідної землі забрав царський ген. Денікін. За його полками йде ледаче панство, яке хоче надалі панувати над нашим народом... Армія Денікіна вертає панам добутий селянською кров'ю землю і відбирає громадянські права у робітника. Денікін не дозволяє українському народові вчитися в школі рідною мовою, народний український язик ви-

гонить із державних установ, українські книжки палити, нищити українську кооперацію та всі культурні й господарські товариства, жорстоко переслідують українських діячів. Російське панство намагається шибеницями, катуванням і розстрілами вірних синів України держатися на нашій землі. Українське народне правління не хоче забирати чужі землі, а обороняє тільки свій рідний край... Всі негідські вчинки добровольчої армії на Україні і даліше перебування війська генерала Денікіна на нашій землі викличуть тільки новий більшовизм і нове поневолення України комуністами Росії... Ми, Директорія і Правителство Соборної Української Народньої Республіки, звертаємося до нашого війська, селян, робітників і всього народу України з закликком непохитно боротися за демократичні здобутки української революції...

...Знайте, що не один Український нарід бореться проти відновлення царської Росії. **Вже вільні республіки народів Кавказа, Естонії, Литви, Кубані повстали проти негідної Росії Колчака і Денікіна.**

Під ударами нашого славного війська і повстанців, що жертвують своїм життям на щастя своїх дітей і онуків, впаде ця остання перешкода для вільного і самостійного життя Українського Народу.

Народе Український!

Настав слухний час! Всі, хто має силу і любов до свободи, в кому не загало стремління до землі і волі, всі, кому дорога демократична Єдина Соборна Українська Республіка, **вставайте до останнього рішучого бою з нашим ворогом.** (О. Донцов. Літопис української революції, т. 2-й, книга 4, стр. 255-256).

Етим актом Україна об'явила війну Добровірмї. Независимо от этого, с 12-го сентября по 6-е октября, как было уже отмечено выше, Махно со своими войсками прошел огромнейший район от г. Умани до г. Мариуполя...

В Ставропольской и Черноморской губерниях действовали «зеленые»...

Однако, дело не ограничилось тяжелым, почти бездежным положением на фронте Добровольческой армии.

Казакі не признавали власти Деникина... Работы Южно-русской конференции продолжались, но дело соглашения стояло на мертвой точке, при чем и сам Деникин и его главный представитель на этой конференции проф. Соколов стараются изобразить дело так, что именно кубанцы парализовали деятельность конференции (Деникин. Очерки, т. 5, стр. 203. Соколов. Правление Деникина, стр. 201).

В те времена тяжчайших испытаний для Казачества оно, к глубокому сожалению, не выступило тогда с совершенно ясной программой государственного строительства. В политике казаков продолжали царствовать гибельные для дела разногласия. Чтобы документально охарактеризовать это, приведем выдержки из речей некоторых казаков, занимавших то или иное высокое положение в Войсках, речей, произнесенных на Донском Большом Войсковом Кругу, начавшим новую сессию 1-го октября 1919 г. (3-я сессия).

На первом же заседании выступили с приветствиями видные представители этого Войска.

Председатель Круга, открывая заседание, заявил следующее:

...«Борьба приближается к концу. враг уже надломлен, казаки Мамонтова нанесли ему непоправимый удар. Предстоит сделать последнее усилие для окончательной победы над ним... Под искусным водительством народного героя ген. Деникина и его ближайших сотрудников будут достигнуты счастье и спасение Дона и всей России. И только тогда мы положим оружие, когда весь русский народ будет освобожден от большевицкого ига...

...Наши работы (на конференции) стремились к одной цели — воссозданию Единой Великой России, в неразрывном единении с которой мы полагаем Казачество»...

Донской Атаман ген. А. Богаевский не последовал примеру председателя Круга и не захотел, расходясь

с истиной, в розовых красках изображать весьма мрачную действительность, какая была на фронте и в тылу. На том же заседании Круга ген. Богаевский в приветственной речи заявил:

...«Ныне наступило время последней ставки, время решительной борьбы с большевизмом. Если не отбросим теперь красных, не разобьем их — гибель грозит всему Казачеству. В этом я, как солдат, глубоко убежден. Наш упорный враг бросил против нас все имеющиеся в его распоряжении силы. Он замыслил и пытается провести в жизнь дьявольский план — овладеть Доном, Кубанью и пробиться на Кавказ, где и ожидать начала всемирного большевицкого пожара.

...Да не будет этого ужаса! Воскликнул Атаман 1-го октября, а 2-го октября послал ген. Деникину свое знаменитое письмо, по поводу которого читаем теперь у Деникина следующее:

...«В момент наивысшего напряжения, в октябре 1919 г. войско Донское выставило на фронт 48 тыс. бойцов, что составляло 32 процента всех Вооруженных сил Юга, И Донской атаман ген. Богаевский однажды, после очередного столкновения «добровольческого централизма» с «донским сепаратизмом», не без основания писал мне: ...«Если бы Дон изменил матери России, я швырнул бы атаманский пернач в лицо своему преемнику, который повел бы мою родину на самоубийство, а сам ушел бы к Вам хоть рядовым... Не верьте сплетням и будьте справедливы к Дону: падая и поднимаясь, борясь с огромными силами противника, он несет тяжкую службу Родине, и без него едва ли возможны были бы блестящие успехи доблестных Добровольцев».

На заседании Донского Круга 1-го октября выступил с речью и командующий Донской армией ген. Сидорин: ...«Ныне, напрягая все силы, наша Армия перешла в энергичное наступление. Есть твердая надежда, что через немного дней Дон будет освобожден от большевиков... Армия крепка духом. В нее вошли все казаки, от подростков до стариков, это — вооруженный народ. Поэтому армия чувствует свою особую связь с вами, своими избранныками. Она внимательно следит за вашей работой, имеющей такое громадное значение для Дона и всей России... Борьба еще не окончена, враг надломлен, но еще силен и имеет широкие замыслы. Необходимо напречь все усилия для борьбы с ним»...

В заседании Донского Круга 4-го октября было заслушано «Послание Оренбургского Войскового Круга»: — «Старший брат, Верховный Хозяин, Войсковой Круг Всевеликого Войска Донского. Третий брат по старшинству из российских казачьих сыновей, Оренбургский Казачий Круг» так начиналось послание... А заканчивалось такими словами: «Да здравствует скорое свидание! Да здравствует всероссийское Казачество! Да здравствует верховный Правитель Государства Российского! Да здравствует Всероссийское Национальное Собрание»...

В тот же день было прочитано приветствие-письмо Войскового Атамана Семиреченского казачьего войска, генерала Ионова, в котором говорилось, что борьбу с большевиками Семиречье ведет с прежним упорством и прекратит ее не ранее взятия Москвы.

4-го же приветствовал Круг и представитель Терского Войскового Круга Г. А. Ткачев: ... «Терцы настроены твердо и намерены довести до конца свою борьбу против насильников России. Всякие обвинения Терцев в самостийничестве совершенно ложны, устраивать свою жизнь обособленно от России Терцы не собирались и не собираются. Вместе с тем, конечно, Терцы никогда не откажутся от самобытных особенностей казачьей жизни — могучей общины, права самостоятельно решать свои областные вопросы»...

В целях поддержания так необходимого контакта в работе законодательных учреждений Дона и Кубани, Кубанская Законодательная Рада в самом начале октября тоже послала свою делегацию на Донской Круг. 6-го октября эта делегация выступила на Круге с приветствием, при этом член делегации С. Ф. Ман-

жула подчеркнул, что Южно-русская конференция определяет государственное бытие Казачества на многие годы; далее он коснулся слухов о самостоятельности казаков и заявил, что ни один Кубанец не является самостоятельным. «На Кубани, правда, принята идея о федерализме, но этот федерализм казаки понимают, как право самостоятельно вести экономическую политику, самостоятельно решать свои земельные дела, иметь свою армию, своих чиновников и прочее», заявил представитель Куб. Зак. Рады. «Но, ведь, этого же добиваются и другие Казацкие Войска — Донцы, Терцы», продолжал он.

Необходимо сказать, что заявление С. Ф. Манжулы о том, что будто бы «ни один Кубанец не является самостоятельным», конечно же, не соответствовало действительности, что видно и из дальнейшей части речи того же С. Манжулы, где он говорит о желании Кубанцев иметь свою армию. Известно, что самостоятельные армии имеют только самостоятельные государства.

Особенно важной частью в речи представителя Кубани было заявление Манжулы о желательности «вынесения общих и согласованных решений Донцов, Кубанцев и Терцев по всем основным вопросам», которые разбирает Южно-русская конференция. С. Манжула, по поручению Кубанцев, предложил «одновременно обсуждать эти вопросы на Дону, Кубани и Тереке» и упомянул при этом, что есть мысль «о совместных заседаниях законодательных учреждений Дона, Кубани и Терека». При чем это заявление было встречено бурными аплодисментами большинства членов Донского Круга.

В заключение представитель Кубани подчеркнул, что «Кубанцы приняли единое командование, но на диктатуру не согласились и никогда не согласятся. Казачеству нужно твердо держаться основ широкого народоуправства. Такой путь подсказывается и историей Казачества, и примерами Запада. Кубанцы будут стойко поддерживать Донцов во все трудные минуты их жизни».

При единстве же Казачества нет таких сил, которые могли бы сломить его, заставить отклониться от намеченного пути», закончил представитель Кубанской Законодательной Рады под аплодисменты большинства членов Круга.

Следует подчеркнуть, что эти заявления были сделаны по соглашению Кубанской делегации на Круг с членами Кубанской делегации на Южно-русскую конференцию.

Таким образом, Кубанцы поставили вновь вопрос о необходимости единого Казачьего фронта, и даже о желательности совместных заседаний Казачьих парламентов. Чрезвычайно важно было то, что это предложение Кубанцев встретило явное сочувствие большинства членов Круга. На порядок дня стал вопрос о реализации этого предложения.

Эта публичная демонстрация казачьих политических стремлений, это желание казаков воплотить единство в реальные формы сотрудничества казачьих парламентов загоняло в тупик вождей русского «белого» движения: Украина и Кавказ восстали против «белых», а Казачество не признавало на Казачьих Землях власти русских генералов...

К тому же, 6-го октября, т. е. в тот самый день, как Кубанцы на Донском Кругу заявили, что они диктатуры Деникина не признавали и не признают никогда, Махно захватил Мариуполь и продвигался в сторону г. Таганрога; 6-7 октября «красные» братья «белых» захватили г. Орел; конный корпус Буденного приблизился к г. Воронежу; Деникин буквально вырвал с антибольшевистского фронта у Воронежца Терскую дивизию, с Донского фронта была выхвачена Донская конная бригада и, вместе с Чеченской дивизией, все эти войска были брошены против Махно (Деникин. Очерки, т. 5-й, стр. 234).

Крах «белого» движения был очевидным. Особенно ясно и отчетливо это понимали и чувствовали сами «белые» вожди, в руках которых сходились все данные положений фронта и тыла,

Естественно, перед этими вождями вновь стал страшный вопрос: где выход из положения?

К началу октября 1919 г. «всего на противобольшевистском фронте Киев-Орел-Воронеж-Царицын Астрахань мы имели 98 тысяч против 140-160 тысяч большевиков», говорит Деникин (т. 5-й, стр. 230). Из этих 98 тысяч на Донскую армию и на Кубано-терский корпус приходилось 50 тысяч и на Кавказскую армию 14 с половиной тысяч. Кроме того, казачьи войска были на правом берегу Днепра, на Черноморском побережье, в Дагестане... Уже одни эти данные показывают, что более 2/3 всех сил, которыми располагало главное командование Юга, составляли казаки.

Деникин всячески боролся против казачьей политики, но все же открыто выступить против казаков пока не мог. К октябрю 1919 г. вновь создалось такое положение, что казаки могли сами взять ведение борьбы в свои руки. Донской Войсковой Круг заседал в Новочеркасске с 1-го октября; вскоре должны были собраться Кубанская Краевая Рада и Терский Большой Круг. Казацкие парламенты, учтя весь горький опыт сотрудничества с «белым» русским движением, учтя то, в какой тупик загоняли казаков русские вожди, могли сговориться между собою в деле организации общей казачьей власти для ведения оборонительной войны, а общеказачья власть могла добиться получения иностранной помощи оружием.

В таком случае русские вожди оставались бы не у дел.

Тяжесть и безвыходность положения «белого» движения, кажется, сознавали и некоторые его вожди. Неизвестно, дома ли или уже за границей Врангель сделал следующую весьма мрачную оценку положения «белых» в то время: «...К октябрю месяцу были заняты Киев, Курск, Орел. Наша конница стояла под самым Воронежем, а казаки генерала Шкуро даже занимали город несколько дней. Весь богатый юг с его неисчерпаемыми запасами был занят войсками генерала Деникина. Ежедневно сводки штаба главнокомандующего Добровольческой армией говорил о том, как добровольцы «вгоняют» в вражеский фронт «клин к Москве».

«Вместе с тем», говорит Врангель, «для меня было ясно, что чудесно воздвигнутое ген. Деникиным здание жидится на песке. Мы захватили огромное пространство, но не имели сил для удержания его за собой. На огромном изогнутом дугой к северу фронте вытянулись жидким кордоном наши войска. Сзади ничего не было, резервы отсутствовали. В тылу не было ни одного укрепленного узла сопротивления. Между тем противник твердо придерживался принципа сосредоточения сил на главном направлении и действий против живой силы врага. Отбросив сибирские армии адмирала Колчака на восток, он спокойно смотрел на продвижение наших войск к Курску и Орлу, сосредоточивая освободившиеся на сибирском фронте дивизии против моих войск, угрожавших сообщениям сибирской красной армии. Теперь, отбросив мою армию к Царицыну, ясно отдавая себе отчет в том, что обескровленная трехмесячными боями Кавказская армия не может начать новой наступательной операции, красное командование стало лихорадочно сосредотачивать свои войска на стыке Донской и Добровольческой армий. Сосредоточившейся новой крупной массой красных войск, Главнокомандующему нечего было противопоставить» (т. 1-й, 212-213).

Как мы говорили выше, подобную оценку внутренней и внешней политики Деникина сделал и близкий к Деникину проф. Соколов (см. выше: «Доблестная губила героические усилия и великие жертвы Казачества»).

Даже сам Деникин не отрицает того, что говорят о политике «белого» движения Врангель, Соколов, ген. Лукомский и многие другие видные представители этого движения на Юге (Деникин. Очерки русской смуты, соответствующие места из 4-го и 5-го томов. Ген. Лукомский. Воспоминания, т. 2-й. Проф. Соколов, К. Н. Правление генерала Деникина и т. д.). Фронт Доблестии трещал... В административном

аппарате Добармии царствовал хаос... На восставшей Украине удержаться нельзя было...

Неудержимо надвигавшийся крах фронта Добармии ставил перед вождями на порядок дня вопрос о том, куда теперь уходить, где найти спасение, где снова искать реальной возможности продолжать борьбу за неделимую Россию?...

Оставалась единственная возможность — отступление на Казачьи Земли, на Кубань...

Но, ведь, между Добармией и Кубанью все время происходила напряженная борьба, особенно обострившаяся к октябрю 1919 г.

Кубань не признавала Особого Совещания Деникина и вообще отказалась признать гегемонию Добармии в каком бы то ни было из вопросов внутренней или же внешней политики. Самостийники Кубани твердо вели свою линию, как внутри Кубани, так на Южно-русской конференции и, сверх того, за границей через Парижскую делегацию, действовавшую в контакте с национальными делегациями других народов бывшей России...

6-го октября кубанские самостийники через свою делегацию на Большой Войсковой Круг открыто поставили вновь вопрос о тесном сотрудничестве Казачества и это предложение встретило горячее одобрение большинства членов Круга...

При всех этих условиях для руководителей «белых» на Юге оставался один из двух выходов: или совсем не мешать казакам строить свою государственную жизнь и организовать военную защиту своих земель, или же сделать новый натиск на казачью самостийность и расчистить себе пути отступления на Казачьи Земли...

В соответствующих местах 1-й и 2-й частей и в предыдущем изложении в 3-й части настоящего очерка мы уже не раз отмечали попытки генералов расправиться с кубанскими самостийниками, при чем это мы сделали исключительно на основании материалов, опубликованных самими представителями «белого движения». Бывший Кубанский Атаман Филимонов повествует, что «расправа с (Кубанской) Радой намечалась еще в конце 1918 г. ...«Такая мысль мне (Атаману) неоднократно подсказывалась и во время разговоров с Деникиным», рассказывает Филимонов. «Особенно настаивал на этом его помощник (ген. Романовский). — Совершенно не понимаю вашего характера, — говорил он. Как вы терпите все это? Почему не разгоните Раду?» (статья А. П. Филимонова — «Разгром Кубанской Рады», напечатанная в 5-м т. «Архива русской революции», стр. 322).

С своей стороны, ген. Деникин отмечает, что Кубанский Атаман А. Филимонов «не раз говорил: я еще в Мечетке (на Дону, в мае 1918 г.) хотел покончить с Правительством и Радой» (Деникин. Очерки, т. 3-й).

С этой же мыслью давно носился ген. Врангель: еще в ноябре 1918 г., потом весной и летом 1919 г.

Когда в августе-сентябре 1919 г. Кубанская Законодательная Рада повета еще более твердую политику для укрепления государственной самостоятельности Кубани (см. выше), мысль о необходимости устранения этой Рады с русской московской дороги стала снова на порядок дня. Особенно остро стал вопрос после того, как Законодат. Рада удалила опору Добармии на Кубани — ген. В. Г. Науменка.

Как рассказывает бывший заведующий Отделом осведомления и пропаганды «Особого Совещания» К. Соколов, «во второй половине сентября к нам — в Ростов — приехал один член Краевой Рады полковник Н, имевший на Кубани большие политические и родственные связи и сыгравший заметную роль при последних атаманских выборах. Хотя я все еще не вступал в должность (после летней поездки в составе деникинской делегации в Париж), он посетил меня и, давая понять, что выражает мнение серьезных линейских кругов, начал горько сетовать на нас за то, что мы не ведем настоящей политической работы на Кубани. Тут же он предложил свои услуги по организации широко разветвленной политической агитации, которая должна, по его мнению, состоять ис-

ключительно из кубанских элементов и делать исключительно кубанскую политику, однако в направлении, желательном для Главного Командования, борясь с Черноморцами и содействуя линейцам. В план кампании входила подготовка роспуска и перевыборов Краевой Рады, а конечной целью являлась конституционная реформа — в смысле усиления атаманской власти и создания устойчивого правительства путем упразднения Законодательной Рады, которая постепенно превратилась в неприступную цитадель самостийничества. От нас Н ждал моральной поддержки и, конечно, материальных средств», повествует Соколов.

Далее он же продолжает: «Несмотря на то, что осуществление проекта полковника Н должно было вызвать, как водится в таких случаях, довольно крупные, по нашим понятиям, расходы, — помнится, речь шла об ассигновании до 600 тысяч рублей — предложение показалось мне заманчивым. Действительно, помимо специальной информационной сети Отдела Пропаганды, политическая агентура Главного Командования на Кубани отличалась всеми признаками кустарности... Поэтому, обсудив с полковником Н в общих чертах план его организации и поставив ему неременным условием установление и поддержание полной связи с полковником У., я направил его к моему помощнику Б. А. Энгельгардту, который в то время управлял Отделом и был правомочен принять окончательное решение. Полковник Энгельгардт, ввиду серьезности дела и размеров ассигнования, доложил обо всем генералу Лукомскому. Председатель Особого Совещания, с своей стороны, одобрил наши предположения. Из секретных сумм полковнику Н был незамедлительно выдан значительный аванс, и он в наилучшем настроении уехал в Екатеринодар «ставить» свою агентуру» (статья К. Соколова: «Кубанское действо», помещенная в «Архиве русской революции» т. 18-й, стр. 239).

В этом авторитетном признании важно то, что председатель Особого Совещания ген. Лукомский «одобрил наши предположения», направленные к «упразднению Законодательной Рады, которая постепенно превратилась в неприступную цитадель самостийничества».

Здесь мы должны оговорить, что размеры и задачи нашего очерка не позволяют нам в полной мере использовать то обилие материалов, которым мы располагаем по вопросу о подготовке и проведении «белыми» переворота на Кубани в ноябре 1919 г.

В конце сентября 1919 г., с целью подготовки переворота на Кубани, из Кавказской армии в Екатеринодар был послан ген. Покровский, известный тем, что еще в феврале 1918 г. сыграл весьма пагубную роль на Кубани (см. ч. 1-ю «Трагедии Казачества», стр. 73-97), что в ноябре того же года, вместе с генералом Шкуро, предлагал Атаману Филимонову произвести вооруженный переворот на Кубани.

Достаточная осведомленность ген. Покровского в кубанских делах, его сотрудничество в начале 1918 г. и во время 1-го Кубанского похода с ген. В. Г. Науменком, который потом, с конца 1918 г. до половины сентября 1919 г., занимал пост военного министра на Кубани и прославил себя тем, что не допустил проведения в жизнь закона Рады о Кубанской армии; близость ген. Покровского к семье Кубанского Атамана Филимонова, сотрудничество его с кубанской буржуазией, присущие ему наклонности палача, позволявшие ему с исключительной жестокостью расправляться с покоренным населением, делали кандидатуру этого генерала (по мысли «белых») наиболее подходящей для роли технического организатора намечавшегося переворота.

Прибыв в Екатеринодар, ген. Покровский был постоянным и желанным гостем у Атамана Филимонова, что дало ему возможность быстро и успешно наладить «работу», ради которой он и был сюда послан.

Как сообщает ген. Врангель, в самом начале октября 1919 г., за несколько дней до отъезда Врангеля из Царицына, он, Врангель, «имел продолжительный раз-

говор по аппарату с находящимся в Екатеринодаре ген. Покровским, который, с своей стороны, на основании ряда разговоров с войсковым (Филимоновым) и Походным (Науменком, хотя в то время ген. Науменко уже не был военным министром Кубани и эту должность тогда занимал ген. Звягинцев) Атаманами и некоторыми членами Рады, вынес то же убеждение, — что «грозный окрик Главнокомандующего может отрезвить кубанцев, а твердо проводимая в дальнейшем, определенная общеказачья политика даст возможность установить взаимное доверие и сотрудничество в работе» (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 216).

Это свидетельство Врангеля ясно говорит о том, что в самом начале подготовки переворота на Кубани поддержку заговорщикам оказали Атаман. А. Филимонов, ген. Науменко и «некоторые члены Рады»...

Как известно, на Кубани в 1917-1919 годах было два основных политических течения — одно стояло за Россию, а другое — за государственную самостоятельность Кубани и федеративные, конфедеративные или союзные связи с соседними молодыми государствами.

Один из виднейших представителей русского течения — А. П. Филимонов с 1917 г. занимал пост Кубанского Атамана.

Было не раз уже отмечено, что политику Филимонова в общем поддерживали все русские политические партии на Кубани, состоявшие из русской интеллигенции — конституционно-демократы, соц.-революционеры и соц.-демократы...

Уже за границей, по своему описывая подготовку переворота на Кубани, А. П. Филимонов говорит: «...Вместе с той частью членов Рады, которая меня поддерживала, мы выработали план борьбы» (против самостийников). Мы решили предоставить представителям оппозиции высказаться до логического конца и тем самым открыть свои карты» (выше цитир. его статья, стр. 325).

Другой видный представитель русского течения на Кубани, принадлежавший тогда к группе А. Филимонова, — Д. Е. Скобцов, повествуя о перевороте, о политических стремлениях этого течения говорит следующее «...Мы, — другая группа кубанских общественно-политических деятелей, — «линейцы», — мы считали необходимым «объединение всех действующих в одном направлении сил (следовательно и добровольцев) при установлении государственного строя в России»... Во имя этого мы боролись внутри собственной кубанской среды с ее центробежными течениями» (статья Д. Е. Скобцова — «Драма Кубани», напечатанная в журнале «Голос минувшего на чужой стороне», кн. 1 за 1926 г., стр. 225).

Не только среди штатской части кубанской интеллигенции, но и среди кубанцев-военных нашлось достаточное число защитников неделимой России и «белого дела», возглавлявшегося тогда ген. Деникиным. Мы уже отмечали, что из 14-ти запрошенных в июле старших начальников Кубанских войсковых частей по вопросу об организации Кубанской армии, 13 высказалось против организации такой армии, значит, против проведения в жизнь закона Кубанской Краевой Рады, принятого еще в начале декабря 1918 г.

Надо признать, что все высшие должности в Кубанском Крае были заняты кубанскими офицерами, которые были сторонниками возрождения неделимой России. Таковыми были: Кубанский Атаман Филимонов, военный министр В. Науменко, его помощник ген. Звягинцев, начальник Войскового Штаба полк. Лещенко, начальник артиллерии ген. Чумаченко, все почти командиры кубанских войсковых частей на фронте и в тылу, почти все атаманы отделов и т. д.

Защитники России на Кубани не были пассивны. Они широко вели устную и печатную пропаганду через русский «Осваг», через издаваемые на Кубани газеты и т. д. Они руками министра внутренних дел в Правительстве Ф. Сушкова — ген. Успенского — еще в марте 1919 г. закрыли единственную в то время на Ку-

бани самостийническую газету «Кубанский Край»...

Почти все кубанское духовенство стало на сторону деникина и России...

Обиженные земельной реформой кубанские помещики всеми мерами поддерживали русскую политику, веря, что будущая Россия отменит на Кубани земельную реформу и возвратит им земли или же заплатит за них соответствующее вознаграждение. Помещичья политика Деникина и его Особого Совещания сулила кубанским помещикам реальные надежды. Надо было только добиться, чтобы Деникин действительно восторжествовал в России и чтобы Кубань осталась в составе России...

Ни общерусская буржуазия, ни буржуазия Казачьих Земель не присматривались особенно к тому, что в действительности происходило на фронтах борьбы; буржуазия не видела, что со стороны красных бьются многочисленные русские армии, ведомые в бой русскими офицерами и унтер-офицерами; буржуазия не хотела видеть для нее неприятного факта, что фронт держится казаками; для русских людей было руководящим то, что Деникин имел уже под своей властью Царицын, Одессу, Киев, Харьков, Курск и даже Орел... Сам Деникин и его начальник штаба обещали направо и налево «скоро пить чай в Москве». Этот чай с русским самоваром, успокаивающе шумящим на белом столе, являлся символом возвращения былого спокойствия, довольства и сытости.

И чем ближе в воображении русских был этот оборотительный «самовар», тем с большей ненавистью все русские относились к казачьим самостийникам, «вставлявшим палки в колеса» победоносно, казалось, продвигавшей к Москве русской колесницы Деникина, и тем яснее становился вопрос о крайней необходимости скорейшей и беспощадной ликвидации «злочастивного нарыва, который мучит кубанскую жизнь», как говорил Деникин (т. 5-й, стр. 207).

Как свидетельствует ген. Врангель, 8-го октября 1919 г. ген. Деникин признавал «общее наше стратегическое положение блестящим» (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 215), надо только вскрыть и очистить самостийнический нарыв и все пойдет отлично...

Поэтому некоторые старшие кубанские офицеры занялись даже открытой пропагандой необходимости поддержки русской политики Деникина во что бы то ни стало. Осенью 1919 г., например, ген. Павличенко раз'езжал с такой проповедью по станциям вдоль Черноморско-Кубанской железной дороги, а ген. А. Шкуро в начале сентября выступал в станице Баталпашинской. Свое отношение к самостийникам ген. Шкуро формулировал очень просто: «...Я не верю в это предприятие, просто чепуха, это выпады местной кучки интеллигенции и они исчезнут. И все Бычи-Макаренки — чепуха. У нас великая задача — «возрождение России» (О. Доценко. Літопис укр. револ., т. 2, кн. 4, стр. 154).

Весьма показательным для тогдашних отношений на Кубани было, например, то, что после того, как Куб. Законодательная Рада удалила ген. Науменко с поста военного министра за долгий, явный и сознательный саботаж чрезвычайно важного дела — организации Кубанской армии, генерал Шкуро в начале октября прислал ген. Науменко следующую телеграмму: «Только что узнал о твоей отставке. Весь состав Корпуса и я считаем оставление тобою поста походного атамана в настоящее время большой незаменяемой потерей для Кубани. Стыдно кубанцам своих лучших сынов приносить в жертву необузданным политическим страстям».

Что это была генеральская политическая демонстрация, ясно видно из того, что эта телеграмма была широко опубликована в русских газетах (например, «Приазовский Край», 12 окт. 1919 г.). Кубано-Терский корпус, которым командовал ген. Шкуро, был расбросан в районе Воронежа и вел упорную борьбу с наседавшими большевицкими войсками и, конечно же, не обсуждал да и не мог обсуждать факта ухода ген. Науменка в отставку, однако ген. Шкуро нашел

для себя допустимым говорить от имени «всего состава Корпуса».

Ген. Шкуро аргументировал целым корпусом, ген. Врангель — Кавказской армией, ген. Деникин интересами всего Южного фронта и даже всей необъятной России, а тем временем председатель Особого Совещания ген. Лукомский выдал деньги на русскую пропаганду на Кубани и подготовку разгона Законодательной Рады, имевшей самостоятельное большинство... А Донской Атаман Богаевский уверял Деникина в том, что он бросит атаманский пернач в лицо своему возможному преемнику казаку-самостийнику... В это же время ген. Покровский сидел в Екатеринодаре и «вел ряд разговоров с Войсковым и Походным атаманами и некоторыми членами Рады», и все пришли к единодушному выводу о необходимости и спасительности «грозного окрика Главнокомандующего»...

Так за казачьими спинами плелась паутина предательства и готовился переворот на Кубани.

7-го октября командующий Донской армией ген. Сидорин прислал ген. Деникину весьма обстоятельную телеграмму, в которой говорил об «ослабленном состоянии Кавказской армии», о потере трети Донской области, о призванных в донскую армию казаках-стариках, о вынужденной приостановке наступления Донской армии, о возможности оставления казаками г. Воронежа, о возможности глубокой операции противника на стыке Донской и Добровольческой армий (см. выше: «Осеннее генеральное сражение»).

Эта телеграмма уже указывала на возможность краха всего антибольшевистского движения на Юге, если только не будут приняты меры усиления Кавказской и Донской армий и умиротворения тыла, раздираемого войной на Украине и на Кавказе, борьбой между «белым движением» и Казачеством.

Как видно, эта телеграмма командующего Донской армией вывела Деникина из душевного равновесия и потому он послал генералу Сидорину телеграфный ответ, переполненный не соответствующими действительности утверждениями.

В тот же день, 8-го октября, состоялось двухчасовое совещание Деникина с Врангелем, на котором обсуждалось внешнее и внутреннее положение Доброй армии. При этом «с величайшим раздражением говорил Деникин о «самостийности казаков», особенно обвиняя кубанцев», повествует Врангель (т. 1-й, стр. 216).

Об этом совещании ген. Деникин рассказывает следующее:

...«В начале октября в Таганрог прибыл ген. Врангель. Очертив ему политическую обстановку, я указал на необходимость покончить с тем злокачественным нарывом, который мутит кубанскую жизнь. По словам Врангеля, он, на основании армейских настроений, пришел к тому же убеждению и ехал ко мне с тем же предложением.

Выполнение этой задачи я возложил на него, как на командующего Кавказской армией. Ген. Врангель должен был переговорить со старшими кубанскими начальниками и представителями «линейской» группы и сосредоточить в район Екатеринодара ко времени открытия Краевой Рады надежные войска, чтобы затем действовать в зависимости от обстоятельств. Во избежание каких-либо ненужных эксцессов, не оправдываемых государственными интересами, я командировал в помощь ген. Врангелю, в качестве советника по части политической, начальника отделов законов и пропаганды К. Н. Соколова.

Они приступили к действиям. «Группой членов Рады — как докладывал за сим ген. Врангель — составлен был проект изменения кубанской конституции, который предложено было внести на утверждение Краевой Рады». Сущность этого проекта, обсуждавшегося затем бароном Врангелем совместно с проф. Соколовым, заключалась в том, чтобы, не посягая на автономию края, придать выборному атаману действительную власть, сохранив ответственность его перед Краевой Радой.

В общем схема управления представлялась в следующем виде:

1. Высшая власть в крае — Краевая Рада.
2. Исполнительная (отчасти и законодательная) власть — атаман и назначенное им правительство.
3. Законодательная Рада упраздняется.
4. Краевая Рада созывается и распускается атаманом ежегодно. На время созыва Рады вся власть принадлежит ей.
5. Необходимость создания отдельной Кубанской Армии отвергается. (Очерки, т. 5, стр. 207-8).

Повествуя о том же совещании, ген. Врангель тоже подтверждает участие членов Рады в подготовке переворота.

На другой день после совещания генералов по тому же вопросу состоялось совещание, 9-го октября, сначала в составе генералов Деникина и Лукомского и начальника отделов законов и пропаганды К. Н. Соколова. Последний об этом совещании, бывшем в Ростове, рассказывает следующее:

...«В среду, 9 октября, меня вызвали к телефону и от имени генерала Лукомского передали, что Главнокомандующий желает меня видеть по спешному делу и ждет меня в кабинете председателя Особого Совещания. Я тотчас же отправился в дом Бурцева, где и был принят ген. Деникиным в присутствии ген. Лукомского. Первые слова, с которыми обратился ко мне Главнокомандующий, запечатлелись в моей памяти с фотографической точностью.

— «То, о чем я буду Вам сейчас говорить», сказал ген. Деникин, «не подлежит ни обсуждению, ни разглашению, а только исполнению». Дальше Главнокомандующий пояснил, что командование Кавказской армии должно ему о назревшей необходимости решительных мер против зарвавшегося в политиканстве Екатеринодара. Кубанские самостийники окончательно потеряли голову и все смелее подкапываются под фронт, дискредитируя общие цели борьбы и сея рознь между Казачеством и Командованием... Генералы Врангель и Покровский берутся провести такую реформу через Краевую Раду, на меня же, как на управляющего Отделом законов, возлагается задача составить примерную схему тех изменений в кубанской конституции, которые отвечали бы потребностям чрезвычайного времени и видам Главного Командования»... («Архив русск. револ.», т. 18-й, стр. 240).

Позже на это же совещание прибыл ген. Врангель. «Кратко, ясно и определенно ген. Врангель изложил нам свой план. Он был очень прост, этот план. К началу заседаний Краевой Рады, открытие которой должно было состояться в двадцатых числах октября, ген. Врангель прибывает в Екатеринодар, где уже находится ген. Покровский, имея в своем распоряжении заблаговременно перебросившиеся туда «на отдых» с фронта верные части. В качестве командующего Кавказской армией Врангель является в Раду и поднимается на трибуну. Он произносит речь, в которой указывает на тяжелое положение армии, забытой политиканствующим тылом, и от имени фронта настаивает на необходимости пересмотра краевой конституции. Немедленно после его речи группа членов Рады вносит соответствующее, заранее разработанное предложение. Если оно принимается Радой, ген. Врангель прощается, выходит к войскам, принимает парад и в тот же день, приказав воинским частям грузиться для возвращения на фронт, сам также отбывает в Царицын. Ну, а если Рада категорически отвергает конституционную реформу, тогда ген. Врангель тоже выходит к войскам и объявляет им, в чем дело...

Впрочем, сам командующий Кавказской армией был совершенно уверен, что к крайним мерам прибегать не придется и что все сойдет мирно и гладко. В этом его убеждали имевшиеся у него положительные сведения, что оппозиция в Раде очень тяготеет к искусственно поддерживаемым засильем «черноморцев» и охотно поможет безболезненному проведению конституционной реформы»... (Там же, стр. 241).

После этого началась усиленная подготовка к самому перевороту, при чем дело велось в строжайшей тайне. Вечером того же дня Врангель и Соколов просмотрели статью за статьей «Временное поло-

жение об управлении Кубанским Краем», утвержденное Кубанской Краевой Радой в декабре 1918 г., и отметили статьи, подлежащие изменению или отмене. «Было решено, что к двадцатому октября я приготворю текст желательных с точки зрения Главного Командования поправок в кубанской конституции», повествует К. Н. Соколов (там же).

Потом ген. Врангель поехал в Екатеринодар, куда и прибыл 10-го октября. Об этой своей поездке Врангель рассказывает следующее:

...В Екатеринодаре, приняв встретивших меня должностных лиц и почетный караул Кубанского гвардейского казачьего дивизиона, я проехал к Атаману во дворец... С ген. Филимоновым разговаривать было бесполезно и я решил посвятить в дело ближайшего помощника его, исполнявшего должность походного атамана и начальника военного управления, ген. Науменка. Последний, весьма разумный человек, отменно отдавал себе отчет в необходимости изменить существующий порядок вещей. После обеда у атамана, я с генералами Покровским и Науменко беседовали весь вечер... Ген. Покровский был настроен крайне решительно, предлагая просто «разогнать Раду» и «посадить атамана, обещенного всей полнотой власти. Генерал Науменко, более осторожный, конечно, против этого возражал. Я изложил намеченный мною план действий, который и был, в конце концов, всеми принят.

Предполагалось, что немедленно по открытии заседания Краевой Рады, созыв коей был намечен на 24 октября, группой Лабинцев будет внесен проект нового положения об управлении краем... Законодательная Рада упраздняется... Проект отвергает необходимость создания отдельной Кубанской армии...

...Ко времени открытия заседания Краевой Рады решено было перебросить в Екатеринодар один казачий полк и батарею. На другой день я выехал в Царицын» (Врангель. Записки, т. 1-й, стр. 218-219).

Осуществляя разработанный генералами план переворота, Кубанский Атаман А. П. Филимонов 15 октября опубликовал распоряжение о созыве Куб. Краевой Рады на 24 октября.

В беседе с сотрудниками газеты «Кубанская Земля» Филимонов следующим образом объяснял создавшуюся обстановку и причины созыва Краевой Рады:

...«Мысль о созыве Рады была у меня давно. Впечатления, вынесенные мною из объезда отделов, подвинули это дело: настроение населения достаточно нервное. С одной стороны — муссируются слухи, вызывающие враждебное отношение к Добровольческой армии, с другой — распространяются малодостоверные слухи о каких-то предстоящих чрезвычайных выступлениях самостийных групп, — слухи, разжигающие любопытство и подымающие настроение в казачьих станицах». («Куб. Земля», 17 окт. 1919 г.).

Для осуществления задуманного переворота необходимо было иметь вооруженную силу. Организаторы переворота решили в самом Екатеринодаре собрать под ружье все, что только возможно. Были призваны на военные занятия все офицеры, при чем эта мера публично объяснялась необходимостью защиты г. Екатеринодара от возможного нападения «зеленых», а также для пресечения в корне большевистского восстания в самом Екатеринодаре...

В действительности никакие «зеленые» столице Кубани не угрожали и фактически не было никакой угрозы большевистского восстания в Екатеринодаре.

Ничего не зная о выше описанных закулисных мероприятиях заговорщиков, но видя, как вдруг все русские элементы засуетились в Екатеринодаре и по всей Кубани, какую бешеную агитацию развивали они в городах и станицах, подготавливая общественное мнение к возможному выступлению денкинцев, Кубанская Законодательная Рада занялась этим вопросом на публичном заседании 17-го октября. В виду особой важности того, что тогда было вскрыто в этом заседании, приведем выдержки из тогда произнесенных речей некоторых членов Рад.

Первым говорил депутат Майкопского отряда — председатель Объединения федералистов-республикан-

цев — есаул Подтопелный, заявивший между прочим следующее:

...«Год прошел, как Кубань освободилась от тяжкого ига большевиков. Год прошел, как на Кубани перестала литься кровь и мы вздохнули свободно. Но кубанцы не остались в своих «самостийных» границах и освободили Терек, помогли освободиться донцам и сейчас освобождают Россию. Мы же у себя в крае, за спиной наших надежных защитников установили принципы народоправства, мы законодательствуем, проводим законы на пользу нашего народа.

И естественно, когда проводятся законы на пользу большинства, затрагиваются интересы меньшинства и создаются кадры недовольных. Сейчас эти кубанские недовольные присоединились к тем, кто и ранее был недоволен Вольной Кубанью, и в приятном содружестве они начали против нас кампанию на потеху большевикам.

Мечтая о воссоздании старого и о возвращении своих утраченных привилегий, они прежде всего обрушились на Раду и стремятся свалить ее. При большевиках они прятались, не смели открыть рта, теперь же, когда между большевиками и нами встала живая стена казачьих бойцов, они начали преступную агитацию, заключающуюся во лжи, клевете, в гнусных напешпываниях, забывая, что те, на кого они клеветуют первые восстали за дело воссоздания государства.

Их клевета раз'едает душу нашего народа и нынешнее положение напоминает нам конец 17-го и начало 18-го года, когда враги народа добились своего и казачество, пока не разобралось в чем дело, перестало нам верить.

И вот опять, как и тогда, ползет клевета, распространяется ложь и всюду муссируются самые нелепые слухи. В последнее время в городах и по станицам распространяются слухи о каком-то готовящемся восстании, выступлении и т. д. Слухи эти имеют вполне определенную цель — создать соответствующую обстановку, внедрить в сознание масс, что такое выступление возможно, и тогда попробовать испытать это настроение.

Мы, представители народа, не можем отвернуться и отмахиваться от этих слухов. Мы обязаны разрядить сгущенную атмосферу и рассеять тучи...

Далее член Рад г. Подтопелный предложил «обратиться к населению с соответствующим возманием, в котором рассеять черную работу врагов народа».

Председательствующий в Раде Султан-Шахим-Гирей поддержал заявление г. Подтопелного и с своей стороны отметил, что преступная агитация приняла за последние месяцы исключительные размеры. Весь Край наводнен прокламациями какого-то Доно-Кубано-Терского союза. Прокламации эти призывают к разгону Рад, полны лжи и клеветы на Кубанские Законодательные Учреждения и вносят сумбур на местах (кубанцы тогда только догадывались, что эта агитация ведется по планам и на средства Особого Совещания). Доходит до того, что атаманы станиц запрашивают Раду, как поступить с этой литературой и нужно ли действительно расклеивать эти листки. **Затем председательствующий в Раде подтверждает распространение слухов о готовящемся выступлении.** Об этом поступают письма, предупреждения и проч.

Далее член Рад Д. Н. Гудзь тоже заявил: ...«То, что творится у нас, на Кубани, не может не возмущать всех, кто желает блага своему народу. Уже около года открыто ведется преступная работа. Мы не раз слышали здесь голоса возмущения и негодования. Заседавшая в феврале в этом зале Краевая Рада внесла определенное постановление о борьбе с преступной работой большевиков и монархистов. Краевая Рада потребовала прекращения на территории Кубани проповеди большевизма и монархизма. Однако, до сих пор ее воля не выполнена.

Д. Н. Гудзь призывает перейти, наконец, от слов к делу, и предлагает на усмотрение Рад законопроект, сурово карающий виновных в агитации против законно установленных учреждений Края и существующего на Кубани образа правления.

С пространной речью выступил затем член Рад

А. И. Кулабухов — член Парижской делегации Краевой Рады, недавно прибывший на Кубань из Парижа. Оратор удивляется, как могло случиться так, что «Кубань, освободившаяся от большевиков, оказалась вновь ими окружаемая, только на этот раз с правой стороны. Как змеи, ползут клеветники по телу Кубани и брызжут ядовитой слюной»...

Переходя к вопросу, поднятому во внеочередном заявлении Подтопельного, **А. И. Кулабухов** объясняет слухи о восстании вылазкой ядовитых змей перед созывом Краевой Рады. Оратор в ужас приходит от той разнузданной клеветы и агитации, которые свободно процветают сейчас на Кубани. — «Я с ужасом, говорит **А. Кулабухов**, прочел в «Станичном Слове» открытое заявление о том, что Рада и депутаты ее — большевики... В самой свободной стране этого бы допущено не было», заявляет **А. Кулабухов** и признает, что Краевое Правительство должно принять самые решительные меры борьбы с подобного рода печатью.

«Казачество не допустит, чтобы по тому Краю, на котором пролиты реки казачьей крови, ехала тяжелая колесница комиссаров или генерал-губернаторов»...

Члены Рады **Ситник** и **Кислов** конституируют растлевающее влияние монархической агитации на местах. Член Рады **Кислов** сообщает, что ему известны факты из жизни Майкопского отдела, когда под влиянием агитации некоторые станицы боялись пахать отданную им Радой землю помещицью, так как эти агитаторы заявляли: «Пашите, пашите, а собирать то не вы будете».

Обстоятельную критику деятельности монархистов на Кубани делает член Рады **С. Ф. Манжула**. Выступивший после него член Рады **Ф. Аспидов** отмечает, что вопрос о преступной агитации обсуждался на Сезде станиц Лабинского отдела. «Монархисты стремились долгое время свить в Лабинском отделе теплое гнездо, но ошиблись в своих расчетах. Население с ними не пошло **Ф. Аспидов** присоединяется к предложению **Д. Н. Гуздя** об издании закона о борьбе с преступной печатью, предлагает избрать особую комиссию для составления обращения к населению, рекомендует призвать на борьбу с монархической агитацией отдел пропаганды Краевого Правительства и обращает также внимание на агитацию, которая нередко совершенно открыто ведется чиновниками в краевых правительственных учреждениях.

После этого Законод. Рада единогласно приняла следующую резолюцию:

«Заслушав и обсудив внеочередное заявление о текущем моменте и констатируя наличность непрекращающейся, все увеличивающейся агитации монархической и других преступных идей, широко распространяемых среди населения Кубанского Края, и, имея факты, что пропаганда, будучи щедро субсидируема, зачастую производится лицами, находящимися, как на службе Краевого Правительства, так и различных организаций, и принимая во внимание, что таковая преступная деятельность, разлагая население и поселяя вражду между отдельными частями его, в то же время подрывает доверие к органам краевой власти, как-то: Правительству и Раде, чем вносится разрушение в столь ненавистный монархистам и другим преступным элементам установившийся порядок в крае, и насаждает таким образом анархию, неповиновение, а самое главное, имеет свою преступной целью дискредити-

ровать в глазах кубанского народа идею истинного народоправства и светлые идеалы борьбы за землю и волю. Законодательная Рада, учитывая то обстоятельство, что в настоящий момент напряженной гражданской войны распространение провокационных слухов может вызвать нежелательные эксцессы и тем внести расстройство в организацию борьбы на фронте и отдалить момент скорейшего окончания самой борьбы, а также во исполнение постановления Краевой рады от 13 февраля, протокол Нр. 48 (§ 8, пункт 4) постановила:

1) поручить судебно-юридической комиссии в самом срочном порядке представить законопроект, строго карающий пропаганду преступных идей — монархизма, большевизма и других, подрывающих авторитет Правительства, Краевой и Законодательной Рад и всех законопоставленных органов власти;

2) предложить Правительству немедленно принять меры к полному прекращению распространения в Крае разлагающих идей монархизма и лиц, участвующих в подобного рода пропаганде и находящихся на правительственной службе, немедленно удалить со службы;

и 3) обратиться к населению края от имени Законодательной Рады с воззванием, освещающим истинное положение».

(«Кубанская Воля» № 19, 19-10-19).

18-го октября Законодательная Рада единогласно приняла «Обращение к населению Кубани, кончившееся так:

...«К вам, казаки, мы особенно обращаемся и говорим: если нас упрекали в том, что мы в 1905 году помогли реакции в борьбе с русской демократией, то какое же отношение будет к Казачеству, если руками казаков, отуманив наши головы заманчивыми обещаниями, приведет нас к монархии, которая, безусловно, долго продержаться не сможет и наступит снова гражданская война, в которой весь русский народ казаков будет считать виновниками этих новых несчастий. Это нужно понимать и идти той дорогой, которую мудро указала Краевая Рада».

Собирается Краевая Рада 24 октября с. г. и темные силы продолжают делать свое дело: тысячи нелепых слухов и десятки тысяч прокламаций наводнили Кубанский Край. Обилие монархических газет, миллионы всякого рода прокламаций свидетельствуют о том, что все недовольные новыми реформами объединились и тратят на агитацию огромные деньги. Вся эта темная работа создает нервное напряженное состояние населения. Ходят слухи, будто бы готовятся погромы на базаре, будто зеленоармейцы и большевики готовятся сделать выступление в Екатеринодаре, будто бы арестовываются члены Рады.

Знайте все, что действительной опасности ни от большевиков, ни от зеленоармейцев, ни базарных погромов нет. Слухи же эти распространяются с определенными целями: приучить сознание народа к мысли, что все это может случиться, а раз так, то почему же темным силам не попытаться сделать какое-нибудь выступление и в суматохе не рассчитаться со своими политическими врагами. И об убитом председателе Краевой Рады сначала пускали слух, что он убит, или, что его следует убить, а потом и совершили свое гнусное дело.

Мы переживаем тяжелую годину: напряженная борьба с анархией за народные права унесла сотни

Подлинное лицо Граббе

В «Часовом» (см. номер 154-155, сентябрь 1935) напечатано:

«Генерал **М. А. Драгомиров** вспомнил, что... факт избрания Атаманом Всевеликого Войска бывшего наказного Атамана подчеркивает идею России. — В своей ответной речи гр. **М. Н. Граббе** сказал, что Атаман может говорить только от имени всех донских казаков, как находящихся за границей, так и пребывающих в советской России. Из этого следует, что его заявления могут быть очень скучными. Одно он просит отметить: неправильность обвинений казачества в сепаратизме. Все любят Россию одинаково, но не все думают по одному методу. Если он поставил себе скромной задачей содействовать возвращению казаков в их отчий дом, то в этом нет ни тени сепаратизма»...

тысяч лучших сынов родины, и наш долг перед павшими в этой борьбе, пренебрегая лишениями, довести их святое дело до конца...

Кубанцы, вы гордитесь своими славными предками, борцами за свободу! Так дайте же возможность и вашим детям с гордостью вспоминать о ваших героических подвигах в борьбе с анархией слева и справа, в борьбе за истинное народоправство, за святую свободу, за землю и волю».

В тот же день Закон. Рада занялась вопросом о «блокаде» Кубани. Член Рады полковник **Фесьюк** предъявил Кубанскому Правительству следующий запрос, подписанный 39 членами Рады:

«В обществе идут усиленные слухи, что якобы Особое Совещание при Главнокомандующем вооруженными силами Юга России объявило экономическую блокаду Кубанской области. Не имея возможности получить точные сведения из какого либо источника, мы, нижеподписавшиеся члены Законодательной Рады, предлагаем Зак. Раде принять следующий запрос Кубанскому Правительству:

1. Что известно Правительству об экономической блокаде Края;

2. Если блокада существует, то какие причины

вызвали ее объявление и что предпринимается Правительством для ее ликвидации».

На том же заседании Рады было постановлено: «В виду предстоящей 24 октября сессии Краевой Чрезвычайной Рады, Законодательная Рада признала необходимым вызвать Кубанскую делегацию, принимающую участие в работах Южно-русской конференции, чтобы иметь возможность информировать членов Краевой Рады».

Как видим, Законодательная Рада предложила Кубанскому Правительству принять необходимые меры для сохранения спокойствия и порядка в Кубанском Крае, разъяснила населению истинный смысл происходящих событий, призвала население быть настроено, приняла меры для публичного разъяснения вопроса о блокаде и отозвала свою делегацию с Южно-русской конференции.

Следует отметить, что некоторые из этих постановлений были приняты в Раде единогласно, а все другие подавляющим большинством голосов.

Дальнейшие шаги должна была предпринимать кубанская исполнительная власть.

(Продолжение следует).

Николай Посохов

Пути предков

(Продолжение)

Время летело незаметно, только мать вела счет дням; часто, проводив Джигита на прогулку, она старалась забыть за своей обычной работой, но работа не давала забвения. Мысль ее была всегда с сыном. Иногда руки ее оставались по долгу без движения, задумчивый взгляд устремлен был в пространство и только по крупным, тихим слезам, бороздившим ее морщинистые щеки, можно было догадаться о ее душевных переживаниях. Ах, матери-казачки, как тяжел ваш удел! Сколько страшных картин рисует ваше воображение о жизни своего родного ненаглядного воина; сколько бессонных ночей проводите вы, без конца думая о нем, своем орленке, своими помыслами испрашивая у Бога защиты ему и спасения в боях. Никто не видит ваших слез в бессонные ночи и только глубокие вздохи, нарушающие ночную тишину куреня, выдают вас и говорят о ваших страданиях.

Иногда, во время прогулок, Джигит заезжал на дорожные могилы. На могилу Гали около караулки в лесу Джигит любил ездить вечером, перед заходом солнца. Привязав коня, он подолгу стоял у одинокого креста... Иногда садился на устроенную вблизи могилы скамейку и часами сидел, погруженный в свои мысли, воспоминания и переживания. Перед его глазами проходили картины недавнего счастливого прошлого, как живой, вставал перед ним образ черноокой Гали, суливший так много счастья. Но грубая, жестокая рука московских тиранов разрушила чудный сон и грезы любящих существ, измаяв и растоптав распускавший-ся для жизни цветок.

Переживая мысленно картины борьбы и мучения в последние минуты любимой девушки, глаза Джигита загорались зловещим огнем, с его уст тогда срывались проклятия насильникам, пришедшим с севера завоевывать казачьи земли, с древних времен политые казачьим потом, слезами и кровью. Мысленно Джигит приносил клятву любимой девушке, ее отцу, отомстить за их страдания...

Однажды, вернувшись с обычной прогулки домой веселый и бодрый, Джигит, лаская мать, сказал:

— Ну, мамусю, я вже здоровий. Пора їхати битись за москалями.

Веселая улыбка сбежала с лица матери...

— Ні, мій соколику, тобі дадуть ще місяць на поправку, ти ще слабенький, мій коханий.

— Мамусю я, як подумаю, що там десть льється козацька кров, так мені не сидітись дома.

Улучив время, когда Джигит уехал на два дня в ближайшую станицу к друзьям, мать поехала к старшему сыну в Майкоп, поделиться своими опасениями, что Джигит хочет уехать раньше времени на фронт, прося его приехать отговорить брата.

В ближайшее воскресенье в станицу приехал брат Петро. Джигит, вернувшись с прогулки, застал его в подсаднике, где он оправлял кусты роз. Обед прошел оживленно, хотя мать, Петр и сестра Маша переглядывались друг с другом с видом заговорщиков. После обеда, Петр, по обыкновению, зная, что мать не выносит запаха табаку, отправился в зал выкурить папиросу и предложил Джигиту посидеть с ним и поговорить по одному делу.

— Хорошо, пойдем, — согласился Джигит, — там мы и чай попьем...

— Идите в зал, я принесу туда вам чай, — вмешалась в разговор братьев сестра.

Усевшись удобно на диване, около которого стоял маленький столик, братья с минуту помолчали. Петр закурил папиросу, затянулся дымом и выпустил изо рта длинную струю дыма, прервал молчание:

— Знаешь, Коля, вчера в городе в клубе я встретился с доктором Луговым, он спрашивал о тебе и сказал, что предполагает, что тебе после этого месяца комиссия даст еще месяц для поправки здоровья, а после, если захочешь, может быть останешься служить при управлении Отдела.

— Почему это доктор Луговой думает, что мне надо еще поправляться, когда я сам чувствую себя уже здоровым и бодрым, — ответил Джигит.

— Не понимаю, Коля, почему ты торопишься на фронт. Ты подумай только, как нам тяжело думать, что ты всегда в опасности и дрожать за твою жизнь. Особенно мама, ты посмотри, как она состарилась за этот последний год — потеря Миши, а потом и папы на нее ужасно подействовали, а когда ты попал в плен к красным и она узнала от бежавшего от красных казака, что тебя приговорили к расстрелу, Маша и я боялись за ее рассудок. Поразмысли немного и пожалей ее и нас.

Дверь открылась и сестра внесла чай. Петр про-

должал курить, Джигит взял чай и, молча отхлебнув несколько глотков, задумчиво начал:

— Я много думал об этом, дорогой, и чувствую, что моя совесть не позволяет мне оставаться в тылу. Если бы во время Великой войны ты мне предложил не торопиться на фронт, то я бы согласился, то была война России с немцами и наша казачья кровь пролилась там и брата мы лишились за русские интересы, отстаивая русские земли, даже не принадлежащие России по праву, а завоеванные ею когда-то. В той войне мы клали голову и лили кровь потому, что были подданными России, которая эксплуатировала казачество, как военную силу, а теперь, дорогой Петя, когда в России началась революция и она вступила на путь анархии, а мы, казаки, став независимыми, восстановили наши прежние права и конституции, создав свою государственность, русские хотят снова завоевать нас и оккупировать наши края, долг каждого казака стать грудью за свой край, за свой родной порог и угол. Сейчас вся Россия против казаков; в плену у красных я видел, что красными армиями командуют русские генералы и офицеры. Сейчас в опасности вся казачья страна, все казачество. Не могу я, Петя, со спокойной совестью сидеть дома или служить в тылу, когда там, в неравном бою с русскими, истекают кровью, изнемогая мои братья. Нет, Петя, мое место там, с моими станичниками, которые несут великую жертву родине. У всех казаков одна мысль — освободить от оккупантов Дон, Кубань и Терек, твердо стоять на границе и не пускать русских в казачьи земли. Так думает и Рада, если верить письму моего друга из Екатеринодара. Кроме всего этого, ты подумай о том, что перетерпели и пережили мы в станице от русских и чья кровь пролита ими. Могу ли я оставить без отмщения кровь папы, Гали и ее отца и тысячи казаков, загубленных жестокой рукой. Я уверен, что и мама, как ей ни тяжело лишиться меня, поймет меня.

Сестра вошла в зал и, взяв пустые стаканы заменила их вновь наполненными.

— Конечно, ты прав, — начал Петр, — но если бы ты остался в тылу, разве ты был бы один такой? Вот, вчера вернулся из Екатеринодара мой друг Орехов и он рассказывает, что весь Екатеринодар полон русских офицеров, гусар, кирасир и др., одетых с иголочки, по вечерам наполняющих кафе и «Чашки Чаая».

— Я знаю это... В том то и беда, что тыл у нас заполнен паразитами; ведь, все эти русские офицеры убежали из России от своих взбунтовавшихся рабов-крестьян и нашли приют у нас, казаков. Восстановив наши старые конституции, мы остались верными старому принципу, что у казаков выдачи нет и вот за это вся остальная Россия идет против нас. Если бы наш атаман был на месте, то он давно очистил бы тыл от всех этих тунеядцев, но атаман все договаривается с Деникиным и боится указать Деникину его место — место гостя. А сам гость настолько обнаглел, что не считается ни с какими казачьими законами. Я не знаю, куда смотрит наше правительство, допуская такую ненормальность. Ведь весь фронт держится исключительно казаками. В полках у нас не хватает офицеров, а русские офицеры, нашедшие приют у нас, заполнили тыловые учреждения. Даже при управлении отдела служат русские офицеры. Мне сейчас, прожившему здесь в тылу и насмотревшемуся на все и узнавшему многое из газет, становится противно и хочется скорей убежать туда, где в непрерывных боях за родину нет времени думать обо всем этом. Понятно, Петя, чего этим русским офицерам кити на фронт освобождать казачьи края от русских красных? И в тылу хорошо и спокойно, а казаки пусть воюют, защищая свою родину, а также и их покой, ведь казаки на то и существуют, чтобы воевать, так рассуждают они. Такова логика русских офицеров, укрывшихся у нас.

— Да, ты прав, Коля, — сказал Петр, — они, верно, все так думают. Вижу что тебя не переубедишь, но все же обещаю тебе остаться еще на месяц дома, если, конечно, тебе предложат месяц для отдыха.

— Нет, я этого не обещаю. Одно могу обещать с уверенностью: остаться провести Пасху дома, а там на фронт. До конца Пасхи я не уеду.

— Ну, что-ж, знаю, что тебя уговорить нельзя, — согласился старший брат.

Братья вышли во двор и направились в сад, где, сев на скамью, не возвращались уже к прежней теме и заговорили о хозяйстве...

Петр уехал до ужина в Майкоп. За ужином и вечерним чаем разговор между матерью и Джигитом как-то не клеился и часто прерывался долгим молчанием. После чая Джигит прилег на диван с книгой. Вошла мать и, сев около сына и прижавшись к нему, заплакала молчаливыми слезами. Джигит отложил в сторону книгу и, лаская мать, спросил:

— Шо, моя любя мамуся, тобі мабуть Петро сказав усе, що ми балакали з ним?

На кого ж ти мене покидаєш?

— Мамо, треба боронити наш край від москалів. Як що ми не будемо боронитися, вони поб'ють усіх, нас, як убили нашого батька...

— То правда твоя, синку, але чує моє серце щось недобре.

— Не журися, мамо, нічого не буде. Бач, раз уже виврився від москалів...

Джигит успокоил мать, обещав ей быть всегда осторожным в боях. Проведя Пасху в станице, куда на все праздники приехал и Петр с семьей, и взяв станичника Мурзина, Джигит отправился в полк. По сведениям, полученным в Управлении Отдела, бои шли на реке Маныче у Казенного моста. Доехав до ст. Атаман в Донских степях, Джигит взял из бригадного табуна своих лошадей и походным порядком продолжал догонять полк.

Двигаясь по необъятным донским степям, на которых волнами колышались ковыли, Джигит переносился в прошлое... Иногда, отрываясь от воспоминаний, он начинал беседовать со станичником:

— Что, Иван, нравится тебе степь?

— Так точно, господин сотник, в степи тем хорошо, что поднялся выше на курган, так кажется, что видишь весь свет кругом, а у нас в лесу и в горах надо выбирать какое-либо высокое дерево, чтобы осмотреть кругом, да и то не всегда увидишь все, вот разве, прятаться тут труднее. Зато коням тут хорошо, простор и травы, сколько хочешь.

— Да, это правда, сказал Джигит. А я вот, глядя на все эти курганы и степь, думаю: что, если-бы вдруг ожили и вышли из этих курганов погребенные в них защитники этих степей, сколько бы чудесных сказаний могли они передать. Ведь, ты знаешь, что все эти курганы, — это могилы казачьих предков, которые боролись с пришельцами из Азии, как мы теперь боремся с пришельцами с севера...

— Г. сотник, я так думаю, что как только мы выгоним русских из наших казачьих краев, то для казаков настанет мир. Мы, казаки — кубанцы, терцы и другие — воюем сейчас сообща, и как очистим от красных наши земли, то сообща будем охранять и границы и не пускать русаков к нам. Тогда все мы, кто воевал, уйдем на льготу, а по границам станут наши сыны.

— Давно и я так думал.

Так, двигаясь по безпредельной степи рассуждали сотник и казак и перед духовными очами каждого из них вставали картины далекого прошлого, слышанного из рассказов дедов...

Наконец, за Манычем Джигит нашел свой полк. В полку ему были очень рады, так как многие однополчане уже не думали видеть его живым.

Офицеры и казаки сейчас же набросились на прибывших с любовью, с расспросами, что делается в тылу. Но не хотелось Джигиту рассказывать всю правду о том, что масса русских офицеров в тылу укрываются от фронта, а станицы казачьи полны только женщинами, стариками и инвалидами. Ему хотелось самому забыться в боях и сражениях, чтобы освободиться от неприятного осадка горечи, вызванного всем виденным в тылу. Многих друзей Джигит уже не нашел в полку. В его отсутствие некоторые из них пали смертью храбрых в безбрежных степях

Ставрополя и Дона, унося с собой в могилу неугасаемую любовь к родине и вплетая в венки славы казачьего народа лишнюю неуязвимую ветвь.

Поредели и казачьи ряды полка. Сотнями командовали молодые хорунжие, и иногда и опытные, закаленные в боях, вахмистры; но дух казачий был бодр, его крепила мысль о спокойной жизни в освобожденных от русского вторжения родных станицах и куренях, под сенью густых садов, возвращенных руками дедов.

Джигиту часто приходилось командовать то полком, то бригадой за отсутствием выбывших из строя штаб-офицеров. Трудно было ему справиться со сложными боевыми задачами, но все же он выполнял их, стараясь как можно меньше нести потерь в боях. Этому помогало еще и то, что в безкрайных донских степях можно было легко и широко использовать маневр.

Тяжело и грустно было на душе Джигита при прохождении через донские станицы, когда он видел, как на звуки музыки полкового оркестра навстречу выходили глубокие старики, женщины, дети и казаки инвалиды на костылях; ни возмужалых юношей, ни взрослых казаков нигде не было видно.

После перехода через Есауловский Аксай, в полк Джигита прибыло пополнение, приведенное его другом хорунжим Даниловым, только что оправившимся от тяжелого ранения. Друзья долго и много беседовали о разных новостях. Между прочим Данилов рассказал, что перед своим отъездом на фронт, он разговаривал со своим отцом, членом Рады, и отец ему сказал, что в Екатеринодаре «белые» все больше и больше нагнетают и поднимают голову. Они поговаривают, что казаки, по освобождении своих республик, должны будут идти освобождать от красных русские земли и восстанавливать прежнюю власть. Рада и правительство поделились на две части: одни не хотят вмешиваться в русскую войну, другие тянут за «белыми» и настаивают на походе на Москву. А русские офицеры, которых теперь полно в Екатеринодаре, угрожают расправиться с Радой, не желающей помогать русским воевать за Москву.

— Отправляя и благославляя меня на фронт, отец сказал мне: «Иди, сынок, войной за край родной, а мы здесь будем тоже твердо стоять за казачье дело, а если нам будут угрожать расправой, то вы должны нас поддержать».

— Да, ответил Джигит, я сам не был в Екатеринодаре перед отъездом, но слышался, что в нашей столице масса русских офицеров. Все же я не знал, что они имеют в Раде своих сторонников, которые хотят затянуть казаков на московскую дорогу. Думаю, что это им не удастся. Ведь у нашего атамана голова на плечах не для того только, чтобы носить шапку. Ведь ему вручили булаву и он присягал на верность конституции и обязан заботиться и думать только о казачьих интересах. Да и кроме того, я думаю, что в нашей Раде и в Правительстве не так уж много перевертней, а в случае, если нашим отцам и братьям будет угрожать опасность, то мы сумеем защитить их, мы их выбирали и посылали в Раду, а не русские и мы их должны защищать, ибо они говорят и действуют от нашего имени и для нашей пользы, а не от себя...

Крепко пожав друг другу руки, друзья разошлись. Прислушиваясь к разговорам среди казаков, Джигит заметил, что слухи о ненормальном положении в тылу и в столице Кубани распространились среди казаков и живо их интересуют и волнуют.

В широкой ложбине донской степи укрыто расположился полк бивуаком. Еще за светлом, подходя сюда, казаки видели станцию «Кривая Музга» и маневрирующий по полотну бронепоезд. Эта станция лежит на границе Донской Области и Саратовской губернии. Казаки, по взводно, разместились на траве, отдыхают, но не спят и тихо разговаривают, хотя уже давно наступили сумерки.

Получив задачу в Штабе дивизии взять станцию Кривая Музга, Джигит медленно приближался к полку, составляя в голове план наступления. Проходя

среди группы расположившихся на покой казаков и разговаривавших в полголоса, Джигит остановился около одной:

— Гляди, Иван, еще одна звезда упала, старые люди говорят, что если звезда скатывается с неба, то кто-то умирает на земле.

— Да нет, то старые бабы брешут. А как же, если кто умирает днем, звезда не падает? ответил Иван Нагаец.

В темноте ночи не видно было лиц разговаривающих, но по голосам Джигит узнал своих станичников — это были казаки 4-й сотни, с которыми у него было связано так много боевых воспоминаний.

Слушая разговор казаков, Джигит взглянул на небо. Все оно было усеяно мириадами звезд, которые в эту тихую, темную ночь казались особенно яркими; изредка в степи чувствовалось тихое дыхание ветерка.

— Что это вы, хлопцы, завели разговор о звездах? вмешался в беседу подошедший урядник Греков.

Греков был донской казак, вступивший в полк добровольцем при прохождении кубанской дивизии через его станицу; это был хорошо и плотно сложенный казак, лет под 30, носивший окладистую бороду, хорошо знавший степь до самой Астрахани и всегда служивший проводником для дивизии.

Теперь, ходя среди казаков и слушая их разговоры, он искал случая поделиться мыслями, заполнявшими его душу. Вступив в разговор с казаками, говорившими о звездах, он продолжал после короткого молчания:

— Я думаю, завтра будет большой бой, — уже больше часа, как командира полка позвали в штаб дивизии — верно там план составляют, а может быть и решают идти нам дальше после того, как займем станцию Кривая Музга, или остановиться и начать укрепляться по границе; ведь после этой самой станции начинается уже Саратовская губерния, значит русская земля, а не донская, а нам то чужой земли не надо, лишь бы они нашу не трогали. Вот, я и думаю: а что если там в штабе решают сейчас взять станцию и начать рыть по всей границе донской глубокие окопы, чтобы стать всем войском и не пускать больше русских в казачьи земли!..

— А правда, братцы, как было бы хорошо, если бы завтра последний бой, взяли бы станцию и конечно войне, закрепиться бы на границе и никого русских к нам не пускать, от этих русских нам, казакам, только один вред, — закончил, глядя на небо, Майборода.

Джигит, как бы что-то вспомнив, направился к штабу полка, представлявшему из себя группу санитарных линеек и экипажей, санитарных двуколок, патронных двуколок и пр., расположенных полукругом. Здесь было и полковое знамя, здесь же расположились для отдыха доктор, фельдшер, адъютант, ординарцы и казаки для связи от сотен.

Подойдя к штабу, Джигит позвал адъютанта и отдал распоряжение собраться командирам сотен. Пока собирались командиры сотен, к штабу полка прибыл офицер для связи от Кубанского полка. Когда все собралось в круг, Джигит начал:

— Господа офицеры, мною получена задача наш полк атакует станцию Кривая Музга в лоб вдоль железнодорожного полотна. В тыл красным, глубоким обходом послана дивизионная подрывная команда для взрыва железнодорожного полотна, чтобы помешать уйти бронепоезду. Перед рассветом она должна взорвать полотно. Я решаю так: сотни пойдут в таком порядке: на левом фланге первая с пулеметом, у нее слева есть хорошее прикрытие глубокий, трудно-проходимый овраг. По самому полотну пойдет четвертая сотня, остальные сотни пойдут в обхват левого фланга противника, не теряя зрительной связи с 4-й сотней. Сотник Лихобаба объединит под общим командованием все правифланговые сотни, он же мой заместитель, я буду при 4-й сотне. В ближайшем непосредственном резерве у нас Кубанский полк, который будет готов в каждую минуту поддержать нас, влившись в боевую линию в пешем строю, или лавою,

как того потребует обстановка. С восходом солнца должна подойти так же терская бригада; командиру 4-й сотни сейчас же выслать разведку вдоль железнодорожного полотна с приказанием: заложить секреты на местах столкновения с противником. Секретам оставаться до подхода наших цепей. Пропуск на сегодня: казак. К четырем часам ночи должно быть взорвано железнодорожное полотно, к этому же времени цепи полка должны выдвинуться на линию секретов. Господа офицеры, проверьте часы и с Богом. Объясните казакам задачу и отдохните. Хорунжий Булавин, обратился он к хорунжему для связи от Кубанского полка, — сообщите о намеченном плане боя командиру вашего полка.

— Слушаю, господин сотник, ответил офицер и удалился к своим казакам.

Командиры сотен тоже разошлись по сотням, чтобы объяснить задачу и подготовиться к утреннему бою. Скоро на бивуаке воцарилась тишина. Казалось, что все уснуло, но если бы прислушаться более чутко, можно было бы услышать шопот среди многих групп лежащих казаков. Но шопот этот, сливаясь с шелестом ковыля на безбрежном степном пространстве, не нарушал ночной тишины. Подложив седло под голову, Джигит неподвижно лежал, чутко вслушиваясь в звуки степи. Весь он ушел во внимание и слух в сторону разведки. Мысленно он видит, как казаки неслышно движутся по степи к неизвестности и, кто знает, может быть кого-нибудь из них ждет смерть от злодейской пули, выпущенной красными солдатами в сторону услышанного ими шума.

Неслышно в ночной темноте двигались сотни колоннами и так же неслышно, как тени, растянулись длинной цепью, едва вышли на линию заложенных разведкой секретов.

На востоке вырисовывалась белая полоса.

Джигит посмотрел на часы, было 4.

«Странно, подумал он, взрыва железнодорожного полотна не слышно, а ведь это должно служить сигналом.

Прошло еще десять долгих минут и вдруг там, впереди, послышался глухой звук взрыва.

«Слава Богу, обрадовался мысленно Джигит, все в порядке».

Было уже довольно светло. По данному сигналу все цепи казаков широким фронтом развернувшись по обе стороны железнодорожного полотна — поднялись и двинулись вперед. С железнодорожной насыпи Джигиту хорошо был виден весь степной плацдарм и двигавшиеся по нем казачьи цепи. Красные, заметив наступление казаков, открыли артиллерийский огонь, но он не причинил большого вреда движущимся без остановок редким цепям казаков.

Вот уже ясно стали видны цепи красных на окраине станционных строений; казаки берегли патроны и шли неустрашимо, медленно на врага, приближаясь к цели. Красные открыли по всей линии стрельбу очередями и залпами, чтобы остановить молчаливые, редкие, но грозные цепи казаков. Кое-где в цепи начали падать раненные казаки, но движение вперед продолжалось. Перед первыми станционными сооружениями, где в малых окопах лежали цепи красных, цепи казаков залегли, выпустили несколько дружных залпов и затем, по команде Джигита «вперед», подня-

лись и с криком «ура!» бросились на противника. Красные оставили окопы и, отстреливаясь, стали отходить до станционной постройки. Джигит и шедший с ним рядом станичник, сотник Тураев, зорко наблюдали за станцией и движением красных. Бронепоезд красных сперва ушел со станции, но потом, видимо, найдя путь отступления отрезанным, подошел к станции. Прислуга и пешие солдаты бронепоезда быстро соскакивали с площадок и вливались в цепи красных, усиливая их и переходя в бешеную контратаку. «Еще немного и станция будет наша», подумал Джигит.

Взглянув назад в степь, Джигит увидел далеко на горизонте ясно вырисовывающиеся черные колонны, освещенные только что вышедшим расплавленным солнечным шаром. «Вот и Терская бригада», весело подумал он.

— Вперед, братья, на броневик!

Ближайшие казаки рванулись вперед, следом за Джигитом, увлекая остальных.

«А хорошо было бы, если бы это был последний бой с русскими», пронеслось вдруг в его голове и затем все покрылось мраком. Сотник Тураев, шедший недалеко от Джигита, видя его упавшим, с кровью у виска, приказал казаку отнести его в тыл, но не прошел казак с ношей и десяти шагов, как тоже упал, раненый.

Молнией пронеслась по рядам казаков весть, что Джигит убит. Не видя своего командира, цепи замаялись. Сотник Лихобаба, не видя Джигита и угадав случившееся, принял командование полком. Но красные использовали замешательство казаков, усилили огонь и начали теснить их.

Отстреливаясь, казаки стали быстро отходить, не успев подобрать раненых соратников. Из-за станции вдруг выскочил эскадрон красных и помчался в атаку на отходящих, топча лошадьми оставленных раненых.

Но не долго длилось торжество красных. Дивизия кубанцев, стоявший укрыто в резерве, в непосредственной близости к полку Джигита, выскочил из-за укрытия и лихим стремительным ударом смял красных, обратив их в бегство.

Одновременно с этим три сотни терских казаков широкой лавой пошли в обхват станции и на бронепоезд. Станция была взята. Среди подобранных убитых и раненых казаков был и Джигит.

Полковой доктор, осмотрев его рану, доложил командиру полка, что он безнадежен. Пуля пронизала мозг.

Распорядившись отправить раненых в ближайший лазарет, командир полка поручил станичнику Джигита, в случае его смерти, все его вещи и коня отвести в станицу.

Казачьи войска, заняв станцию Кривая-Музга, не стали укрепляться на границе казачьих земель для оттаивания их от русских, как думали и рассуждали казаки, а, по высшим соображениям белых русских генералов, двинулись дальше...

Всем своим нутром чувствовали казаки, что их заставляют делать чужое дело.

(Продолжение следует).

ПОПРАВКА

В предыдущем номере, на стр. 17, в левом столбце (5 стр. снизу) следует читать «в подвале в Георгиевске» вместо «в подвале в Пятигорске».

«В Чехословакии осуществляется сейчас программа не только политического, но и тесного культурного сближения с СССР... Чехи проводят эту линию сближения очень последовательно и добросовестно... Делегацию (советских журналистов) ждал исключительный прием... Министр иностранных дел Бенеш успел (перед отъездом в Женеву. Ред.) встретиться с московскими гостями. В своей речи, произнесенной на русском языке, Бенеш сказал, что придает совершенно исключительное значение политическому и культурному сближению СССР и Чехословакии. — Чехословакия, сказал министр, в своей дипломатической работе встречает полное понимание со стороны советского союза; надо отметить также, что Чехословакия и ее представители на международном форуме помогают в меру своих сил советской России». («Посл. Нов.». 11 октября, № 5314).

А. Ленивов

Наказный Атаман ген. М. Н. Граббе

В мае 1916 года последовало увольнение ген. Покотило с должности Наказного Атамана Донского Войска.

С именем Покотило связана одна из наиболее мрачных эпох бытия Донского Войска, когда во главе последнего в течение ряда лет стоял грубый и невежественный человек, абсолютно не знавший жизненных интересов Донского Казачества. «Что казаку нужно? Донцу — шашка да пика... а пластуну пузо... И все будет благополучно...» — образное выражение Покотило.

Достойным образом отвечало казачье общественное мнение на выходы Покотило в дни его пребывания у власти на Дону, делая его предметом постоянных насмешек и безжалостной критики, проскальзывавшей даже на страницах подцензурной краевой печати.

На смену Покотило был назначен генерал свиты Его Величества граф М. Н. Граббе.

...«Ни одного казака кандидатом в Наказные Атаманы не предлагать и казаков Атаманами не назначать»... — принцип, положенный Александром II в основу управления Казачьими Войсками, был сохранен и на сей раз.

Считая от 1848 года и включительно по 1917 год, Наказными Атаманами назначались исключительно неказаки...

В 1877 году Военным Советом был утвержден подробный проект распределения калмыцких земель на Дону, причем калмыцкие улусы были разделены на семь станиц, которые были названы по фамилиям ряда Наказных Атаманов назначавшихся русским правительством, именно — Платовская, Денисовская, Иловайская, Кутейниковская, Власовская, и даже две станицы были наименованы по фамилиям Наказных Атаманов неказак, именно — Потаповская и Граббевская. В дальнейшем это положение было распространено и на чисто казачьи станицы, которые были называемы по фамилиям Наказных Атаманов неказак, как-то: ст. ст. Хомутовская, Чертковская, Краснокутская, Таубевская и т. д., как говорилось для «увекочения их памяти» среди донских казаков.

Родившись в 1868 году в г. Стрельне, не бывая никогда на Дону, по окончании Пажеского корпуса, граф М. Н. Граббе по производстве в офицерский чин, вышел в лейб-гвардии казачий полк, находившийся в Петербурге. Приняв после ген. м. Л. И. Жигатина (уралец), сформированный в октябре-ноябре 1906 года лейб-гвардии сводно-казачий полк, граф М. Н. Граббе вышел с ним на фронт в Великую войну, вступив в скором времени в командование лейб-гвардии казачьей бригадой, а потом и 4-й Донской казачьей дивизией.

Самой обыденной вещью в дореволюционное время служили факты назначения неказак командирами гвардейских казачьих полков, а в Великую войну командирами армейских казачьих полков и дивизий. За примерами далеко не следует ходить, так командиром царского конвоя (казачьего) являлся родной брат графа М. Н. Граббе: полк. А. П. Богаевский, назначенный командиром 53 Донского казачьего полка, предназначенного к отправке в Англию, был заменен лейб-гусаром полк. Н. Звегинцевым и т. д. Метким образом охарактеризовал подобное положение вещей покойный ген. Г. П. Янов, указывая, что: «Строевые казачьи части, разбросанные главным образом по кавалерийским дивизиям, были «пасынками армии» и переносили не мало горя и ударов по самолюбию от «солдатских генералов», как называли казаки начальников регулярных дивизий. Командирами гвар-

дейских казачьих полков назначались неказак. Во время-же войны казачьи полки и дивизии раздавались для получения «георгиевских крестов офицерам регулярной кавалерии».

Не зная жизни Казачества, не имея ни малейшего представления о его насущных интересах, не являясь даже подготовленным к занятию столь высокого административного поста, как должность Наказного Атамана, «паспортный казак» граф М. Н. Граббе был назначен царской властью управлять Донским Войском... в качестве очередного стажера его личной карьеры.

Явившись на Дон, граф М. Н. Граббе не имел никакой определенной программы в отношении будущего управления Донским Войском... между тем положение на Дону было грозное!.. Донское Войско выставило на фронты Великой войны большую часть взрослого мужского населения, именно 60 конных полков, свыше 100 особых и отдельных конных сотен, 23 конных батареи, 6 пластунских батальонов и большое число различных запасных формирований. Старики и женщины, остававшиеся дома, не могли предохранить казачьи хозяйства от упадка, тем более, что казаки должны были иметь лошадей, снаряжение и даже вооружение за собственный счет.

Статистика отмечает, что в 1916 году вместо довоенных 6 миллионов десятин земли, на Дону было обработано всего лишь 4,3 миллиона десятин земли. В общем итоге, расходы Донского Войска по снаряжению казаков на войну выразились около 80 миллионов рублей золотом, а потери сельского хозяйства в период войны определялись суммой около 200 миллионов рублей золотом.

Не говоря о том, что казачье население не имело возможности сбывать продукты сельского хозяйства в города, в виду установления низких твердых цен со стороны правительства, казаки не могли приобретать предметов и товаров первой необходимости (сахар, уголь, нитки, керосин, мануфактура и т. д.), частью из-за несообразно высоких цен, частью вследствие полного их отсутствия на рынке.

В момент, когда большинство казачьего взрослого мужского населения сражалось на фронте, а их семьи за неимением рабочих рук, принуждены были пользоваться в сельском хозяйстве помощью трудовых артелей составленных из учащихся казачьих средне-учебных заведений, на Дону находилось около 100 тысяч русских солдат, входивших в состав 12 запасных пехотных полков, размещенных по городам Донской области, которые форменным образом бездельничали.

Казачье население, жившее во время войны исключительно интересами фронта, не было должным образом представлено в городах, благодаря несогласованности городского положения с бытом казаков. Известная неурядица вносилась проведением т. н. работы на оборону (Военно-Промышленный комитет), а равно наплывом беженских учреждений из Западного Края.

Говоря о т. н. «казачьих правах и привилегиях», усилиями российской центральной власти, составлявших лишь одни исторические воспоминания о великом и вольном прошлом Донского Казачества, нельзя не отметить, что Покотило с своими ближайшими помощниками попирая эти «права» самым грубым и вещным образом, примером чему может служить размещение солдатских полков на Дону, чего не велось со времен Петра I.

Девять с лишним месяцев пребывал граф М. Н. Граббе на должности Наказного Атамана, но сделать

что-либо существенное для пользы казачьего населения он ничего не сделал, ибо не обладал, пропусту говоря, никакими административными способностями. Более того, со стороны графа М. Н. Граббе не было проявлено и никакой инициативы к проведению в жизнь какого-либо полезного начинания, имеющего значение для Донского Войска. Управление последним со стороны нового Наказного Атамана было столь же безцветным, как и личность самого графа. Иначе говоря, он был всего лишь «солдатским генералом» для донских казаков.

Увольнение Покотило и замена последнего графом М. Н. Граббе сначала, как-будто, заинтересовало казаков, тем более, что граф Граббе, еще находясь в Петербурге особым распоряжением приказал собраться всем станичным атаманам в Новочеркасск для его встречи. Некоторое любопытство было проявлено со стороны казаков, ибо прибывший новый Наказный Атаман после официальных торжеств... на устроенном обеде в манеже Новочеркасского военного училища... обедал один с станичными атаманами, без присутствия каких-либо официальных лиц. Но... как в дальнейшем оказалось... это была игра лишь в популярность, не более. Последующие поездки Наказного Атамана в Усть-Медведицкий, Хоперский и Донецкий округа не дали никаких практических результатов.

Что ныне писалось о каких-то одобренных Николаем II реформах и проектах со стороны Наказного Атамана графа Граббе, как-то: «учреждении единого донского учебного округа, единой епархии, проведении железных дорог Козлов-Святой Крест и Саратов-Ростов с веткой на Александровск-Грушевский» — не отвечает действительности, ибо ничего подобного не обсуждалось в те времена. Как лежал под сукном, так и остался лежать под таковым... даже проект проведения трамвайного сообщения в г. Новочеркасске, разработанный инженером Пемовым. Не говоря об остальных местах Донской Области, столица Дона не обратила на себя должного внимания со стороны Наказного Атамана. А если и последовали какие-либо изменения, то быть может, самым значительным из них было установление взятой на фронте казаками австрийской гаубицы... в ограде перед памятником Атаману Платову!..

Безцветной была деятельность графа Граббе на должности Наказного Атамана Донского Войска, безцветным оказался и заключительный финал его нахождения у власти на Дону...

Поздним вечером 1-го марта 1917 года, когда слухи о происшедшей революции в Петрограде, распространились по Новочеркасску, в последнем, в одном из домов на Баклановском проспекте состоялась сходка группы казаков-учеников коммерческого училища Абраменкова, где учеником 8-го класса названного училища Александром Михайловым (ст. Баклановской), сыном священника, был написан первый текст Донского гимна «Всколыхнулся, взволновался» (впоследствии несколько измененный в своем содержании), после чего казаки-учащиеся прошли по улицам Новочеркаска с пением Донского гимна... Время Наказных Атаманов на Дону кончилось бесповоротно...

Образовавшийся в Новочеркасске т. н. Донской Исполнительный Комитет, обсудив в ряде заседаний деятельность Наказного Атамана графа М. Н. Граббе, принял решение 7-го марта о немедленном отрешении графа Граббе от должности, назначив Временным Войсковым Атаманом председателя военного отдела комитета войскового старшину Е. А. Волошинова.

В ночь с 7 на 8 марта председатель Донского Исполкома А. И. Петровский, войск старш. Е. А. Волошинов, есаул Н. Голубов в сопровождении 38-й Донской казачьей запасной сотни двинулись арестовывать Наказного Атамана графа М. Н. Граббе. Последний безпрекословно подчинился требованию прибывших.

Подвергнутый домашнему аресту, граф Граббе днем 9-го марта 1917 года был отвезен в Ростов А. И. Петровским, есаулом Н. М. Голубовым и казаком С. А. Сохраниным, где и был помещен в поезд вел. кн. Николая Николаевича, ехавшего в Ставку.

9-го марта последний Наказный Атаман Донского Войска ген. лейт. граф. М. Н. Граббе покинул территорию Дона.

Страница истории Донского Казачества перевернулась... Донские казаки обрели возможность видеть во главе Донского Войска — Войсковых Атаманов по принципу выборного начала... но отнюдь не Наказных Атаманов по назначению. И, конечно, не бывших Наказных Атаманов по «провоизложению», а так, как это оговорено в Донском Войсковом гимне:

«Дон детей своих сзывает
В Круг Державный Войсковой.
Атамана выбирает
Всенародною душой».

М. Мерзликин

ЕРМАК И СТРОГАНОВЫ

Под таким названием, ко дню 350 летия завоевания Сибири (1582-1932), появился в печати исторический очерк ген. И. Г. Акулинина, в котором автор, на основании Сибирских летописей (Строгановской, Есиповской и Ремезовской) и царских грамот, приходит к заключению, что Сибирь покорена Ермаком при помощи (надо понимать добровольной, жертвенной) — Строгановых. А самое главное это то, что Ермак, идя в Сибирь, не имел даже определенного плана или завоевательных целей, а шел просто пограбить. Потом уже обстоятельства сложились будто бы так, что простой партизанский набег превратился в большую операцию и Ермак «бил челом Сибирью».

Но я полагаю, что читатель, ознакомившись с теми же документами, хотя бы в выдержках, приведенных в упомянутом очерке, сделает совершенно другие выводы, чем это сделал И. Г. Акулинин (кстати сказать, сам Оренбургский казак).

В данном случае большое значение имеет вопрос — кем написаны Сибирские летописи.

«Строгановская» — писана лицом, близко стоявшим к Строгановым, и события в ней излагались так, как того желали Строгановы. Они призвали, они наняли, они послали Ермака. В изложении этого летописца — Ермак не более, как толковый и расторопный исполнитель «начальства», т. е. Строгановых, извлекавших большую для себя выгоду из покорения Сибири.

Это все понятно и против этого возразить нечего — отруби тому правую руку, кто сам себе лиходея. Но, историческая ценность этой летописи, которой в свое время воспользовался и русский историк Карамзин, весьма сомнительна.

Летопись «Есиповская» составлена подъячим Саввой Есиповым в 1637 году на основании «написаний» сподвижников Ермака, «синодика» Архиепископа Тобольского Киприана и по рассказам участников событий. Архиепископ Киприан, прибыв в Тобольск (1620), наряду с другими работами о пастве, желая так же увековечить для потомства и память казаков, погибших при покорении Сибири, приказал предложить

оставшимся в живых участникам этого безпримерного похода изложить письменно ход событий, упомянув и имена товарищей «на поле брани убиенных». По этим «грамоткам» и был составлен «синодик» казаков для поминовения в церквах, а подъячему Есипову «грамотки» послужили для составления летописи. В этой старейшей летописи, написанной по первоисточникам и дополненной свидетельством самих участников похода, о Строгановых не упоминается ни слова.

Составителем третьей летописи «Ремезовской» — является боярский сын Семен Ремезов. В собирании материалов ему помогали сыновья. «Жертвенность» Строгановых представлена в этой летописи совсем иначе. По словам летописца: «И приступи к Максиму... Из их войска паче всех Иван Кольцо со есаулы крикнуша: «О мужик, не знаешь ли ты и теперь мертв, возмем ты и растреляем по клоку, дай нам на расписку по іменом на струги, по артельно 5000, по іменом на всякого человека по 3 фунта пороху, и свинцу и ружья, и три полковые пушки, по 3 пуда муки ржаной, по пуду сухарей, по два пуда круп и толкна, по пуду соли, и колико масло пудов, и знамена полковые с ыконами всякому сту по знамени...»*) И только после этого Максим Строганов, как повествует летописец: «отворил амбары хлебные, и іменом полковых писарей и всем успевающе, дающе день и ноц каемуждо по запросу числу на струги»...

Проще говоря, все необходимые казакам припасы и продовольствие они у Строганова «вытряхнули» или по современному — «реквизировали». Потому то в Есиповской летописи и не упоминается об этом снабжении, как деле для казаков тогда обычном. Повидимому не один только Строганов «жертвовал» им на пути их с Волги в Сибирь.

Что же касается грамоты царя Ивана Грозного — Максиму и Никите Строгановым от 16 ноября 1582 г., на которую главным образом ссылается И. Г. Акулинин и в которой Строгановым царь урожает опалой за то, что они не удержали казаков от похода, чем могли вызвать осложнение с Сибирским царем Кучумом, то нужно признать, что Москва была слабо осведомлена об истинном положении дел.

Грамота была написана после того, как Чердынский воевода Петепелицын пожаловался на Строгановых, что они ему не оказали помощи при нападении «пелымцев» (остяки, вогуличи, башкиры) на г. Чердынь и Пермскую землю. Перепуганный воевода, едва не попавший в плен, опасаясь к тому же и гнева

*) На одном из знамен был изображен покровитель Казачества Архистратиг Михаил на коне.

самого Грозного, который, как известно, шутить не любил, дабы избежать ответственности, что не уберет землю, свалил вину на Строгановых, написав царю, что набеги инородцы учинили в отместку за то, что Строгановы «послали» казаков в Сибирь. Пока шла переписка, Ермак уже занял г. Искер — столицу в Сибири, о чем Строгановы знали и им было выгодно теперь подтвердить, что действительно они «послали Ермака воевать Сибирь».

Был ли у Ермака Тимофеевича план о покорении Сибири?

— Да, был. Ермак ушел с Волги не из страха перед карательным отрядом, — столкновения с отрядом можно было всегда избежать. Он уходил от Московского засилья, ища новых вольных мест. Не трудно было предвидеть, что рано или поздно придется или распрощаться с Волгой, или быть московским батраком. И Ермак готовился к походу: — образцово организует и обучает свой отряд, вводит небывалые в тогдашней военной технике усовершенствования — прототип современного пулемета, — колеса с привязанными к спицам ружьями. Колесо поворачивалось на оси и ружья палили — действие, конечно, потрясающее. Все расчеты Ермак строит не на численности, а на качестве и технике. В поход берет и 3 попов. Спрашивается, для чего бы они ему понадобились, если бы он шел просто грабить?

Наконец, перед решительной битвой, когда казаки заколебались и раздали голоса за то, чтобы повернуть назад, Ермак прямо говорит: «И какая слава про нас пойдет? скажут — ходили грабить!»

Остается еще не выясненным, с каким наказом послался Иван Кольцо к царю Ивану Грозному.

Чтобы это было «покаянное» посольство, я не верю. Это с Московской точки зрения казаки на Волгѣ «воровали», а сами то казаки на свой промысел смотрели иначе, ничего преступного в том не находили, а следовательно, и каяться им было не в чем.

Так же странным является и то, что Ермак Тимофеевич, не гнушавший головы ни перед кем, будучи Атаманом только Поволжской вольницы, вдруг проникся смирением, ставши обладателем царства Сибирского. Не логичнее ли будет предположить, что в лице царя он искал не покровителя, а союзника. Тогда и «пожалование» Ермака — князем Сибирским — нужно рассматривать как **признание** его Сибирским князем, каковым фактически он уже и был.

Почему то Московские войска были в Сибирь посланы только в 1585 г. уже послѣ смерти Ермака Тимофеевича. А ведь они могли быть отправлены и одновременно с Иваном Кольцом, возвратившимся из Москвы только с царскими подарками...

Думы и мысли

УСЕРДИЕ НЕ ПО РАЗУМУ

В № 8 (1933 г.) студенческого журнала «Станица», на страницѣ 12-й, помѣщено обращение Каннской Обще-казачьей станицы такого содержания:

«Согласно постановления станичного сбора, правление Каннской Обще-казачьей станицы приступило къ постройкѣ станичной хоругви въ память пребывания нашего в изгнании. Хоругвь выстроится по рисунку почетного казака станицы кн. Сергея Георгиевича Романовского и утверждена Донским Атаманом.

На лицевой стороне хоругви, на светлом синем фоне, изображена икона казачьего покровителя Св. Иоанна в воинских доспехах; по четырем углам — изображения ангелов-хранителей казачества на чужбине. На тыловой стороне — черный православный крест и надписи: «Казаки — Родине», «Сим победиши», «С нами Бог». Сбоку от четырехугольника хоругви: 4 языка обихих для всех казачьих цветов — красного, желтого, синего и малинового, лежащих на 3-х языках русского цветного флага. У хоругви металличе-

ское древко, на котором гравировются фамилии всех участвующих в постройке лиц.

Впредь до возвращения нашего на родину, хоругвь будет помещена у гробницы верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича, в нижней церкви г. Канн.

Станичное общество предлагает станицам, хуторам, казачьим группам и отдельным казакам, в «рассеянии сущим», принять участие в постройке вышеописанной хоругви. Участие станиц, хуторов и групп предполагается выразиться в присылке ленты с наименованием общества, которая и будет подвешена у копыя древка и будет ниспадать вниз по древку. Участие отдельных лиц выразится гравировкой фамилий на металлическом древке.

Величина денежного взноса за право подвески ленты, выяснится путем переписки с атаманом станицы. Стоимость гравировки отдельных фамилий и чинов, в зависимости от числа слов, предполагается от 15 до 20 франков.

Всю переписку просят направлять по адресу станичного атамана.

Атаман Каннской Обще-казачьей станицы полк. Семилетов.»

К этому обращению приложен проект хоругви с изображением ее с лицевой и тыловой сторон. Судя по рисунку, хоругвь должна получитьсь привлекательной, ибо на ней изображены: икона Св. Иоанна Воина, и ангелы хранители казачества на чужбине, и черный православный крест, и надписи — «казаки Родине», «Сим победиши», «С нами Бог».

Все это в проекте изображено отлично и вызывает в душе зрителя умиление. Но на тыловой стороне хоругви, по моему, престегнуто совершенно лишнее изображение двухглавых орлов, вефичанных царской короной. Вот эти то орлы и портят общее впечатление, получаемое от взгляда на хоругвь. Они сразу же низводят мысль зрителя от небесного к земному, отрывают ее от сердца умиленного и направляют к холодно рассуждающему разуму, который без обиняков о каннских казаках заключает, что они смешали небесное с земным, больше думают о последнем и решив, что будут еще и Единая-Неделимая, и орел в короне, и розовется над матушкой Россией трехцветный флаг, подвеля тем самым и Донского Войскового Атамана ген. лейт. А. П. Богаевского, подsunув ему на утверждение проект хоругви, ясно говорящий о заветных чаяниях созидателей ее. А ведь покойный атаман А. П. Богаевский всегда, всюду и всем заявлял, что в восстановленной России образ правления будет тот, который изберет себе сам народ и что возврата к прошлому нет. Каннским казакам эти заявления Богаевского, нужно полагать, тоже были известны, но зачем же в таком случае подводить главу Войска?

Конечно, «у всякого барина, как говорится, своя фантазия», но оную в виде орлов с короной все-таки не следовало бы преждевременно лепить на святую хоругвь, да еще предназначенную каннскими казаками в дар Родине своей.

Но вот вопрос — какой еще будет наша Родина — с царем и орлом в короне, или же с президентом в цилиндре? Единой-неделимой, или же разделенной на многие самостоятельные государства со своими президентами, гетманами, атаманами и пр.? Этот вопрос, конечно, когда то будет разрешен волею всех народов бывшей Российской Империи, и у себя дома — на своей Родине, а не в изгнании. И, несомненно, тот народ, который ко времени падения большевиков окажется организованным; обретет за годы лихолетья свою подлинную душу; научится политически здраво рассуждать и мыслить; всесторонне оценит прошлую свою историю; сплотится в мыслях, желаниях и устремлении воли во едино, конечно, добьется права на независимую ни от кого самостоятельную жизнь в своем государстве по заветам старины седой. И вряд ли такой народ пожелает себе царя и орла?!

Но не об этом сейчас речь ведется...

Перейдем к вопросу о постройке хоругви Каннской Обще-казачьей станицей и обратим свое внимание на кое что другое. Отозвались ли жертвенной лептой на это дело по призыву полковника Семилетова казаки, «в рассеянии сущие», или же нет, и сколько франков сами каннцы из собственного кармана вынули на сооружение святыни, — пишушему эти строки ничего не известно, да это и не интересно знать. Однако, можно утверждать, что дело со сбором средств, по крайней мере на первых порах, так плохо обстояло, что каннские казаки дошли до невероятного способа изыскания средств и этим святое дело исполнили.

В доказательство этих своих слов привожу объявление самих же каннских казаков, которые в газете «Возрождение» напечатали буквально так:

«В субботу 21 апреля, в зале Муэн де ля Гэтэ (221, ав. С. Кассиен) состоится казачий вечер, чистый сбор с которого поступит на погашение расходов по постройке ст. хоругви. В программе концертное отделение и танцы до утра. Дешевый буфет, потеря с

многочисленными ценными и полезными выигрышами. Вход бесплатный — по пригласительным билетам. Форма одежды: дамы вечерние платья, мужчины — смокинг или темный костюм или казачья форма» (См. «Возр.» № 3237 от 14 апр. 1934 г.).

Не правда ли, какое классическое объявление? В нем, как в приказе по полку, все честь честью расположено и не забыто: тут тебе и концертное отделение, и танцы до утра, хотя каннским казакам в сей вечер субботний, вместо того, чтобы дрыгать ногами до упада, следовало бы пойти в храм и за богослужением поведать Господу Богу печали свои. Говорится в объявлении-приказе о буфете дешевом, о лотерее, о пригласительных билетах, чтоб, видимо, не всякий казачина свой нос на бал казачий совал; и о форме одежды для дам и мужчин... В общем каннскими казаками было решено устроить шикарный вечер и пригласить избранных послушать музыку, подрыгать ножками до утра, пропустить в горлышко рюмку водочки, а после всего этого чистую выручку повернуть «на погашение расходов по постройке станичной хоругви»...

Но когда же это, станичники каннцы, водилось у нас на Тихом Дону, чтобы казаки строили святыню на средства, добытые от танцев, выпивки и закуски?! Да ведь там, в родном нашем Крае, никогда и никому из православных и в голову не приходило такое, ничем не оправдываемое новшество. И за подобное предположение станичники не только называли бы новаторами нехристом, но его и в шею вытолкали бы со сбора. А тут — за границей — у каннских казаков (да казаки ли еще они?) все в голове перевернулось и «слыхали они звон, да не уразумели откуда он».

Напомним же им, что и в прошлом казаки много святынь приобретали в свои станичные церкви в память того, или другого события. Приносили, как заветный истари обычай, в станичную церковь дар Господу служивые из полка, но они приобретали святыню вскладчину и из своих личных сбережений.

Если же все общество замышляло принести жертву в свой храм, то прежде всего станичный атаман на сборе опрашивал каждого о том, кто сколько может от усердия своего дать деньгами, либо пожертвовать натурой от скота чистого, птицы, зерном и т. п. По опросе всех — здесь же на сборе — подсчитывали намеченную к жертве сумму и сообразно с ней решали приобрести в церковь приходскую: св. икону, хоругвь, либо колокол звонкогосый...

Нередко жертву в церковь делали и одиночки-казаки, но и они, желая принести дар Господу, прежде всего осведомлялись у своего приходского священника о том, в чем именно ощущается в храме крайняя нужда; называли ему сумму, которую от усердия одиночки решили вынуть из своего кармана, советовались со своим духовным отцом и нужное приобретали.

Так с даром Богу в прошлом велось у казаков на Родине своей и жертва такая была свята и непорочна, ибо она совершалась со смиренным и сокрушенным сердцем от усердия и трудов мозолистой руки. Перед такой жертвенной иконой, либо св. хоругвью все казаки с крестным знаменем склоняли головы свои и нередко молящемуся западало в сердце желание последовать доброму и святому порыву своего соседа-жертвователя. И все это происходило в простой, верующей в Бога, здоровой казачьей среде, в которой никогда не смешивалось Божие и кесарево, но твердо памятовались в каждой семье и обществе слова пророка Иеремии: «проклят творящий дело Божие с небрежением» (Иер. 48 гл. 10 ст.).

Каннская же Обще-казачья станица, нахватавшись, видимо, заграничной «культуры» и всяких достижений в области веселья, забыла устои казачьей старины и проявила к святыне свое усердие не по разуму. Ведь задумали каннцы будто бы и доброе дело, но, к сожалению, отнеслись к нему легкомысленно и без должного к святоści внимания: сначала заказали они хоругвь по проекту, выработанному князем Романовским, а с карманом членов то своих и не посчитались. И сразу видно, что эта — заграничная — станица, руководимая полк. Семилетовым, понадеялась на излюбленное у русских «авось», да вот кри-

вая не вывезла и пришлось ей, поэтому, чтоб уплатить кому то свою задолженность за святню, прибегнуть к недостойному способу изыскания средств — «к танцам до утра», а торжественно объявить о сем происшествии в газете «Возрождение».

Но все таки вытанцовывать св. хоругвь не только не достойно имени православного казака, но и пошло до крайности, а потому нет никаких оправданий и извинения для каннской Обще-казацкой станицы. Факт «вытанцовывания» хоругви на лицо и он засвидетельствован ими в оправдание своего поступка, а все таки св. хоругвь, которую каннцы водрузили в церкви у гробницы вел. кн. Николая Николаевича и решили после, когда настанет время, принести ее в дар Родине своей, не вызовет в сердце молящегося чувства христианского умиления, а наоборот бу-

дет напоминать зрителю о свистопляске каннских казачков, связанной с ее постройкой.

В заключение сей статьи мой совет:

Членам Обще-казацкой Каннской станицы оставить мысль о принесении своей хоругви в дар Родине — пусть она пребудет до скончания века там, где в настоящее время водружена. Меньше будет людей соблазненных...

А всем вольным казакам задуматься над премудростью каннцев и, не следуя никогда их примеру, крепко помнить, что жертва Богу прежде всего есть «дух сокрушенный и смиренный» и что «проклят творящий дело Божие с небрежением».

Казак Иван Федотов

1935 г. Рубэ.

К а з а ч ь е з е р к а л о

I.

«Не может Войсковой Атаман сидеть сложа руки и ожидая только «у моря погоды», или плестись в хвосте событий, если он желает быть, а не считаться только главою войска. И если новый избранный берет булаву в свои руки, значит он уверен в своих силах. Нас это радует», — пишут в № 6 «Нашей Станицы», органе Кубанской казацкой станицы в Белграде, по поводу «провозглашения» графа Граббе.

Правду сказать, радости для донских казаков нет никакой. Не понимаем, чему радуются кубанцы...

2.

Меткую характеристику дал Павел Поляков, назвав «могильщиками Казачества» всех «русских казаков», в результате происков которых был «провозглашен» граф Граббе.

С своей стороны можем присовокупить, что в немецком языке имеется глагол «graben, grub, gegraben», который в переводе значит «копать яму, рыть могилу». Соответственно сему, г.г. «русские казаки» могут сделать соответствующий перевод на русский язык... фамилии графа Граббе... с подлежащим отсюда выводом!..

3.

Г. Чапчиков, «председатель совета казацкого центра союза младороссов», не летал, подобно Граббе, на аэроплане, что правда, то правда но... все-же «свернул себе шею»... на т. н. «орлиных взлетах», — образному выражению, согласно младоросской терминологии.

Г. Чапчикову действительно не пошли впрок его «орлиные взлеты» во Франции... А тут, в довершение всего, что называется, не осилил и «поперхнулся» Основными Законами В. В. Д., которые он «упразднил»...

Окончательно зарпортовавшись с выдвижением кандидатур генералов Краснова и Черячукина, провалив младоросскую акцию, Чапчиков был, наконец, признан негодным на своем посту. Результат: «глава» Казем-бек упразднил должность «председателя совета казацкого центра союза младороссов» и заменил такую созданием новой должности «начальника главного казацкого управления младоросской партии», на которую был назначен ген. З. Алпатов, давненько «подсидевший» Чапчикова и, наконец, «подсидевший»...

4.

Много было шуму, не мало было израсходовано чернил и даже типографской краски... а все-же из задуманного предприятия ничего не вышло!..

«Алжирская казацкая станица»... а местопребывание почему-то в Ницце!.. Даже, когда около года тому назад определился полный провал дела и когда руководители станицы начали хлопотать о переселении казаков в Марокко, название станицы не изменилось.

В самом деле, идет вопрос о переселении в Марокко, а станица Алжирская, — что... называется «ни

Богу свечка, ни чорту кочерга». Но, отпал вопрос и о переселении в Марокко...

Ныне что-то говорится о возможностях открытия рыболовных промыслов, открытия завода сушеных овощей и т. д. Вообще, время идет и планы меняются... а доверившиеся казаки лишний раз разочаровываются.

Коротко резюмируя, нельзя не указать, что пример «Алжирской станицы» не единственный, были попытки переселения казаков в Перу, в Парагвай, — чем они кончились, известно всем...

Вывод один: казаки должны не разбрасываться по сторонам, а работать с полным напряжением сил над освобождением лишь своей казацкой родины, которая одна только и предоставит землю... для поселения казаков...

5.

Взял... да и назвал себя самостийником — Г. И. Карев! Более того, основал «Лигу Возрождения Казачества»... Еще более того... редактировал журнал «Казачье Дело». Пороху, однако, хватило не на долго...

Определилось ныне, что это — не совсем так, вернее — совсем не так. Все это было не то.

Ларчик раскрывался весьма простым образом: с «провозглашением» графа Граббе, Г. И. Карев снял маску со своего лица... и определился... в роли редактора «Атаманского вестника» с чем и поздравляем «самостийников» из Лиги, а внимание всех донских казаков обращая на сей факт, предупреждаем: вот они «волки в овечьей шкуре»...

6.

Представитель Кубанского Атамана в Париже — ген. Н. И. Малышенко!

Вращается еще в «заколдованном кругу» Казачество... Как-же иначе назвать положение, когда лица погубившие Казачество, все-еще копошатся на фоне казацкой общественной жизни?

Н. И. Малышенко был комедантом главной квартиры ген. Деникина, а ныне является представителем Кубанского Атамана в Париже...

Впрочем, нет ничего удивительного в этом, ибо ген. Науменко хорошо знает комендантские обязанности... Достаточно вспомнить его роль в разгоне Кубанской Рады и деле повешения А. И. Кулабухова в 1919 году. Вот почему, ген. Науменко назначает своим представителем — бывшего коменданта...

7.

В составе казацкой эмиграции есть один казачий генерал, который неизменным образом запаздывает...

В 1931 году исполнилось 350-летие, как Ермак Тимофеевич завоевал Сибирское царство. Событие это было своевременно отмечено казацкой печатью. Но... с запозданием почти на два года, ген. И. Г. Акулинин выпустил брошюру под названием: «Ермак и Строгановы», где соизволил «втирать очки», утверждая, что Сибирь была завоевана Ермаком в 1582 го-

ду, а не в 1581 году. Более того, ген. И. А. Акулинин заканчивает свою брошюру выводом: «Сибирь была завоевана Ермаком с помощью Строгановых».

Не вдаваясь в подробности, можно заметить, что ген. И. А. Акулинин, не давая в обиду русских людей, не рискует обидеть и казаков. Запоздал, однако, ген. И. Г. Акулинин со своим выводом, ибо Ермак завоевал Сибирь не только без помощи Строгановых, но еще и пренебрег мнением Акулинина... за раздельностью во времени в 352 года.

Ныне, ген. И. Г. Акулинин усмотрев, что казаки не особенно охотно празднуют т. н. «войсковые праздники», начал кампанию в пользу признания общеказацким праздником для всех казаков — дня Покрова Пресвятыя Богородицы, а чтобы подготовить казацье общественное мнение к последнему, разразился соответственной статьей в очередном номере «Илл. России» (№ 42).

Опять ген. И. Г. Акулинин запаздывает, ибо журнал «В. К.» опередил его в этом отношении ровно на семь лет, почему подлинные казаки неизменно из года в год празднуют день Покрова Пресвятыя Богородицы, а «русские казаки» чтут праздник русской полиции и жандармерии в день 5-го октября (18-го по новому стилю).

8.

Русский обще-воинский Союз... а председательствует в нем на положении главнокомандующего генерал Миллер. В русский обще-воинский Союз входит Союз георгиевских кавалеров... а председательствует в не граф Граббе...

Умерший ген. Богаевский в положении «несмешного» Донского Атамана — сам лез в подчинение ген. Миллеру, вступая то в о-во офицеров ген. шт., то в «генеральские суды», а граф Граббе, уже состоя в подчинении ген. Миллеру, вылез в положение «провозглашенного» Донского Атамана! Вот и идет на мысль, не сделался-ли граф Граббе «провозглашенным» Донским Атаманом — по приказанию ген. Миллера? Что-то уж больно подозрительно: куда ни заедет граф Граббе, везде его сейчас-же чествуют и банкетом и сердцеприятельными речами... русский общевоинский Союз.

Под-до-зрительн-о-о!..

Протрите глаза, «русские казаки», и дерните себя за волосы!..

Чикомас

Казачья эмиграция

В. К. в Бельгии

ДЕНЬ ПОКРОВА В БРЮССЕЛЕ.

ВК хутор в Бельгии праздновал Всеказачий праздник Покрова Пресвятыя Богородицы в воскресенье 13 октября (накануне церковного праздника).

Утром вольные казаки во главе с Походным Атаманом ВК (специально приехавшим на праздник) и хуторским атаманом есаулом Г. К. Рудаковым были в украинской церкви на богослужении (обедня), после которого была отслужена панихида по всем украинцам и казакам, отдавшим жизнь свою за свое отечество или павшим в боях за его освобождение.

По окончании панихиды казаки и украинцы сфотографировались вместе, а потом вольные казаки своим хутором отдельно.

После этого хуторской атаман пригласил Походного Атамана и гостей на общий хуторской обед, продолжавшийся от 12 ч. дня до 7 ч. вечера.

Кроме в. казаков и П. Атамана, на обеде присутствовали гости — грузины, украинцы и казаки, не состоящие в хуторе, но сочувствующие ВК идее.

— Более подробный отчет об этом празднике будет помещен в следующем номере.

В. К. на Д. Востоке

Походному Атаману ВК инж. И. А. Билому.

Мы, вольные казаки на Дальнем Востоке, узнав об избрании Вас на пост Походного Атамана, приветствуем это избрание и верим, что Вы поведете свою паству, как хороший Пастырь, на цветущие, зеленые, богатые и родные нам Казацьи Поля, где водрузится вольно-казацкий стяг, где снова раздастся казацья песня, где сотрет с лица горькую слезу мать-казачка.

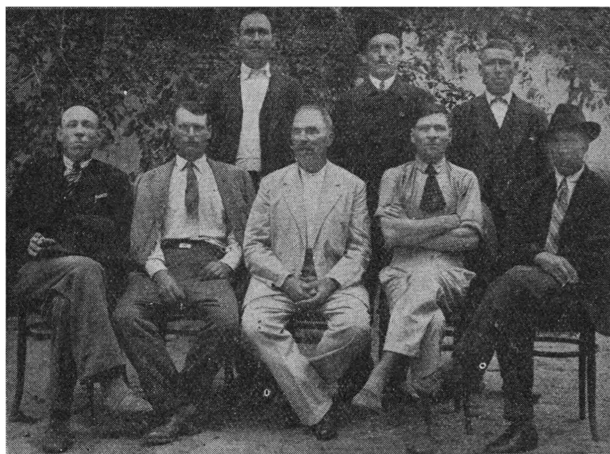
Идите вперед по намеченному пути. Казачество Вас не забудет!

Слава Казачеству! Да здравствует первый Походный Атаман ВК!

И. С. Константинов

Гор. Харбин.

В. К. в Югославии

Правление Чуругского имени Атамана Каледина хутора (в Югославии). В центре сидит атаман хутора Кондрат Яковлевич Титов (б. атаман Луковской станицы).

В. К. во Франции

ПО ВК ОКРУГУ

1. Зачисляю в списки округа ВК — ст. И. Д. Сафронова — казака ВВД, и ст. В. Я. Квашура — казака ККВ. с 1-Х с. г.

2. Имея высокую честь быть председателем Вольно-Казацкого Круга во Франции в июне с. г., обращаю внимание в. к., что в бюллетене «оппозиции» № 3; вышедшем в августе с. г., помещена подлая и мерзкая ложь, абсолютно не отвечающая действительности и обстановке, в которой происходил ВК Круг. В соответствии с сим, предлагаю всем делегатам на Круг от ВК организаций хранить, у кого он есть, указываемый

№ 3 бюллетеня «оппозиции», как необходимый документ для недалекого будущего.

3. Поздравляю с выздоровлением и желаю дальнейшего успеха в борьбе за освобождение Казачества атаману Тулузской в. к. имени А. И. Кулабухова станицы — подесаулу **Шепелю**, разбившемуся во время джигитовки; атаману в. к. куреня «Донская Сарынь» — хор. **И. А. Болдыреву**, вторично подвергнувшемуся ряду операций, вследствие полученного тяжелого ранения в угольной шахте; предс. союза ВК имени С. Лаврентьева в Лионе — подх. **Н. Н. Юрову**, перенесшему тяжелую операцию аппендицита, и атаману в. к. хутора имени ген. Старикова в Валянце — подх. **Ф. Т. Водяному**, отравленному было грибами, наряду со многими жителями г. Валянца.

Окружной атаман **А. Ленивов**

18-X-1935.

ВК ХУТОР В РОМБА

Не застыла в нас кровь казачья

П р и г о в о р

Организационного сбора вольных казаков состоявшегося 6-го октября 1935 г. в Ромба, под председательством казака Полякова Серафима при секретаре сотнике Карманском Федоре.

Присутствовало 10 человек.

Мы, нижеподписавшиеся, вольные казаки, проживающие в Ромба и его окрестностях, заслушав предложение инициативной группы, постановили:

1. Вступить в ряды Вольного Казачества, организовав вольно-казачий хутор, и приступили к выборам должностных лиц.

Избранными оказались:

Атаманом хутора — хор. **Ассерецков М. (ВВД)**. Помощником его — каз. **Поляков С. (ВВД)**. Писарем (он же и казначей хутора) — сот. **Карманский Ф. (К. Каз. В.)**.

2. Образованный хутор назвать именем генерала Старикова.

3. Честно и точно выполнять программу Вольного Казачества, свято чтить его идею и всю жизнь свою посвятить служению Родине — Казакции.

4. Принимать в ряды нашего хутора только казаков, доказавших свою преданность Вольно-Казачьей идее.

5. Признать избранного вольными казаками Походного Атамана Вольного-Казачества природного казака Ольгинской станицы Кубанского Казачьего Войска инженера Игната Архиповича Билого и выразить ему глубокую благодарность за принесенные им труды на благо Казачества.

Настоящий приговор представить Окружному атаману В. К. Округа во Франции **А. Ленивову** на утверждение, копию же отправить в редакцию журнала «Вольное Казачество» — «Вільне Козацтво» для опубликования.

Сердечно приветствуем:

Походного Атамана В. К. инж. **И. А. Билого** и желаем Ему много здоровья и сил на его трудном, но славном пути.

Окружных атаманов В. К. **А. Ленивова**, **П. Полякова**, **С. Маргушина**, всех станичных, хуторских и куренных атаманов В. К. и всех вольных казаков.

Да здравствует Казакция!

Слава Казачеству!

Подлинный подписали:

Председатель сбора вольных казаков — **Поляков С.**, секретарь сбора **Карманский Ф.**. Члены: **Т. Гейкин (ВВД)**, **М. Калинин (ВВД)**, **М. Ассерецков (ВВД)**, **В. Сарокин (ВВД)**, **И. Веретенников (ТКВ)**, **Ф. Платонов (ВВД)**, **П. Сметанкин (ВВД)**, **Н. Севостьянов (ВВД)**.

В ЛИОНЕ.

В субботу 14-го сентября с. г. Союзом В. К. был устроен публичный доклад **А. К. Ленивова** на тему: «Основные факторы и элементы — определяющие происхождение Казачества». Доклад, изобилующий интересными сравнениями и многочисленными ссылками на труды иностранных, казачьих и русских авторов, был выслушан собравшимися с исключительным интересом. После доклада состоялся обмен мнений, причем докладчику был задан ряд вопросов, на которые были получены исчерпывающие ответы.

Торжественным образом был отпразднован вольными казаками старинный казачий праздник во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, значение и смысл которого для Казачества были объяснены в речах Окр. ат. **А. К. Ленивова** и председ. Союза В. К. — **Н. Н. Юрова**.

В заключительной части торжества, присутствующими казаками была поднята и выпита задравная чара вина за здоровье выборного Походного Атамана В. К., с пожеланием ему дальнейшего успеха в борьбе за спасение Казачества.

Касаясь настроения «русских казаков», можно сказать, что последнее весьма понизилось, в частности, когда были получены сведения о «провоизглашении» графа Граббе. По совести говоря, сами «выборщики» не ожидали подобного казуса. Ныне в Лионе поговаривают, что граф Граббе решил прокатиться в наши «палестины». В связи с этим происходят усиленные собрания представителей «русских казаков», собираются... разругаются и расходятся... Дело в том, что младороссы угрожают «поддеть» графа, если им что-либо не понравится в его речи; не отстает от них в этом и Калединовский хутор, грозят и другие казаки. В общем — весело!...

Соб. кор.

ПРАЗДНИК ПОКРОВА В ПАРИЖЕ

Стародавний казачий праздник — Покров Пресвятыя Богородицы в этом году приходился на понедельник. Парижская В. К. имени **А. И. Кулабухова** станица отметила его в воскресенье 13 октября.

В Биянкурской православной церкви был отслужен торжественный молебен о здравии всех казаков в рассеянии и под игом сущими, с провозглашением многолетия рабу Божьему **Игнатию** и всем казакам в изгнании и под игом находящимися. Была провозглашена и вечная память всем казакам на поле брани живот свой положившим за свою отчизну. Перед молебном священник сказал слово, в котором указал на значение молитвы, обращенной к Небесной Покровительнице, и что всякая искренняя молитва всегда будет услышана.

После молебна казаки собрались в соседнем кафе, где **Е. М. Якименко** передал от выехавшего за границу Походного Атамана поздравление с праздником всем в. к. казакам станицы, а затем сделал краткое сообщение о празднике Покрова Пресвятыя Богородицы. Сначала знакомит казаков с религиозной стороной праздника, а дальше указывает на все случаи казачьей жизни, связанные с днем Покрова.

В заключение, докладчик указывает на одно обстоятельство, которое свидетельствует о том, как глубоко проникло в казачье сознание почитание праздника Покрова. Несмотря на то, что в течении десятилетий российское правительство навязывало казакам то тот, то другой «войсковой праздник», Казачество осталось верно своему старинному празднику и это подтверждается, напр., и таким фактом. В Сербии в 1921-22 г.г. среди кубанцев возникла мысль соорудить Войсковой образ. Сречи казаков были собраны средства для этой цели. Образ был сделан в виде большого складного киота с несколькими иконами, причем среднее, центральное место занимает образ Покрова Пресвятыя Богородицы.

Заканчивая свое сообщение, докладчик говорит: «будем же и мы, по примеру наших предков, чтить

Небесную Покровительницу Казачества — Покров Пресвятыя Богородицы и праздновать только этот праздник, связанный с многовековой традицией Казачества и который является настоящим церковным казачьим праздником».

Собравшиеся казаки благодарили Е. М. Якименко за сообщение.

Выпили, конечно, и по чарке. Пели казачьи песни.

Присутствовали и казаки, стоящие еще на распутье, которым вольные казаки объяснили сущность и цели ВК движения. Объяснения и информации, даваемые вольными казаками, удовлетворили гостей.

В ТУЛУЗЕ

Тулузской в. к. имени А. И. Кулабухова станицей в день праздника Покрова Пресвятыя Богородицы был отслужен торжественный молебен о даровании сил Походному Атаману ВК, окружным атаманам **А. Ленинову** и **П. Полякову** и всему Вольному Казачеству в рассеянии сущему и под московским игом страждущему.

Усердно молились вольные казаки и усердно просили они Святую Покровительницу Казачества о ниспослании мужества терпеливо и верно идти за своими атаманами, оказывая им всемерную поддержку для достижения поставленной цели — освобождения нашей родины Казакии.

Да будет же услышана наша горячая молитва и да осенит Покровительница Казачества наших ВК Атаманов и даст им мудрость в деле спасения казачьего народа и обретению родной земли — свободной Казакии.

С. Шепель

В КАРКАССОНЕ.

В воскресенье 13 октября вольные казаки Каркассонской имени генерала Мамонтова станицы собрались в городе, чтобы отпраздновать свой стародавний казачий праздник — Покров Пресвятыя Богородицы. На празднике присутствовали, кроме членов станицы, и казаки, не состоящие в ней, но сочувствующие ВК идее. В связи с тренингами, которые происходят в местной церковной среде, церковь закрыта, а поэтому не пришлось отслужить молебен. Каждый казак помолился в душе.

Вступительное слово сказал станичный атаман хорунжий **И. И. Марченко**: Братия казаки! всем нам хорошо известно, что праздник Покрова Пресвятыя Богородицы приходится на завтра, т. е., по здешнему, в рабочий день и станичное правление постановило поэтому, отметить его сегодня. Всем известно, что праздник Покрова издавна чтился казаками, как праздник свой, национальный. Вот и сегодня мы собрались, чтобы провести этот день вместе. Приходится сожалеть, что обстановка, в которой мы живем, не позволяет нам отметить этот день так, как этого хотелось бы. Но как бы ни были тяжелы жизненные условия, нам не следует забывать, что мы не одни и что наша Небесная Покровительница всегда с нами. Она всегда защитит нас и не допустит, чтобы враги, работающие над уничтожением Казачества, довели свое страшное дело до конца. С Ея помощью мы достигнем своей цели и осуществим желание, а желание наше — создание могущего и сильного казачьего государства Казакии. Слава Казачеству, да здравствует Казакия!

Прочитав затем поздравление окружного атамана, станичный атаман в свою очередь поздравляет станичников с праздником Покрова.

Затем со словом приветствия выступает под'есаул **И. С. Губин**, который дает краткое, но ясное пояснение о том, когда и при каких обстоятельствах принято считать день Покрова — казачьим национальным праздником.

Приступая к обеду и наполнив чаши, станичный атаман предлагает выпить первую чарку за здоровье истинного казачьего патриота и первого Походного Атамана ВК. Все с радостью присоединились к первому тосту атамана.

В качестве гостя присутствовал и один украинец, который говорит, что не состоит ни в каких организациях, но ВК идее сочувствует и подымает бокал «За Вільне Козацтво і Вільну Україну».

В заключение были спеты казачьи гимны и казачьи песни.

(Соб. кор.)

ИЗ БЕЛЬФОРА

Походному Атаману Вольных казаков
Игнату Архиповичу Билому.

Господин Атаман!

Мы, вольные казаки Бельфорского вольно казачьего куреня, со своими гостями собрались сего 13 октября, в канун старого казачьего праздника — Покрова Пресвятыя Богородицы и поздравляем Вас, господин Атаман, с этим праздником и молим Пресвятую Богородицу о даровании Вам сил и здоровья в Вашей тяжелой и трудной работе по освобождению нашей дорогой родины от иноземного нашествия и в создании самостоятельного государства Казакии.

Верьте, что Вы, в этой тяжелой и ответственной работе не один, мы с Вами и всегда готовы по первому Вашему зову стать под Вольно-Казачье знамя на борьбу с красным врагом за национальное возрождение Казачества.

Да здравствуют вольные казаки, рассеянные по всему свету и оставшиеся там, в Родных Краях!

Атаман куреня **Х. Высоцкий**. Казаки и казачки: **И. Тищенко, С. Бабич, Ф. Жуков, П. Ноздриков, И. Стопчак, Н. Арьков, Ф. Милованов, Н. Березлев, Д. Жукова, С. Говорущенко, А. Орехов, М. Тищенко, П. Лавров, Т. Лобанов, В. Высоцкая, М. Калинин, Березлева.**

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

М. Г., г. Редактор!

Настоящим прошу не отказать в помещении нижеприведенных строк на страницах уважаемого журнала «В. К.».

В бюллетене т. н. «Временного Центрального Правления В. К.» № 3 от августа 1935 года, вышедшем в г. Братиславе (Чехословакия), помещена заметка г-на И. Безуглова, в которой последний между прочим пишет следующее: «Слава Богу, еще не все казаки так оподлились, как Ленивов, и всю его сенсацию от слова до слова опровергли, как свидетельскими показаниями, так и документами. В другой раз г. Ленивов должен помнить поговорку: «Ври, да знай-же меру», а то теперь ведь все вольные казаки во Франции должны ни за что, ни про что краснеть за своего Окружного атамана».

Помещая подобные слова, г-н И. Безуглов, сверх того, базируясь на письмах г-на Букановского и группы б. членов С. Р. С. в Ч. С. Р. (Брненский филиал), пытается снять с себя обвинение в том, что он якобы не производил растраты общественных денег Брн. фил. С. Р. С., где он состоял секретарем в 1923 и 1924 г.г.

Настоящим публикую, что именно в указываемый период времени члены правления Брн. фил. С. Р. С. — А. Д. Быстрицкий и В. А. Апугтин обратили внимание ревизионной комиссии (предс. А. К. Ленивов, члены — С. В. Фонсов и г. Мушиц) на факт растраты общественных денег именно со стороны г-на И. Безуглова, выполнявшего обязанности секретаря. Ревизионная комиссия, подвергнув ревизии дела правления

Брн. фил. С. Р. С., установила, что в кассе последнего не имеет места денежная наличность, которая должна была быть сданной именно г-ном И. Безугловым, как-то: денежная выручка от устройства концерта хора Архангельского, деньги от продажи значков С. Р. С., членские взносы, погашенные ссуды и т. д. В виду того, что общая сумма денег, несданных г. И. Безугловым, достигала цифры более 6.000 крон, и последний не обратил должного внимания на предложение ревизионной комиссии — представить деньги в кассу организации, ревизионная комиссия потребовала от правления Брн. фил. С. Р. С. созыва чрезвычайного общего собрания членов организации для разбирательства дела г-на И. Безуглова.

На означенном общем собрании, где присутствовало до 200 студентов, г-н И. Безуглов отсутствовал, не пожелав явиться. Студенческая среда весьма отрицательно отнеслась к деятельности г-на И. Безуглова, окончившейся растратой, заклеила его, потребовала удаления последнего из рядов организации, довела до сведения К-та, производившего помощную акцию студентам, настаивая на удержании растрченных денег из стипендии, получавшейся г-ном И. Безугловым, что и было производимо в виде удержания 200 крон в месяц.

В соответствии с приведенным, уличая г-на И. Безуглова в произведенной им растрате, как б. председатель ревизионной комиссии Брн. фил. С. Р. С. в период 1923-1924 г.г., имея под рукой надлежащие фактические данные, всегда отвечаю за свои слова. Позор лежит на имени г-на И. Безуглова!

Примите уверение в совершенном уважении

А. Ленивов

В ИНТЕРЕСАХ ИСТИНЫ

Господину редактору журнала «ВК».

Многоуважаемый Игнат Архипович,

В интересах истины и нашего общего дела, почтнейше прошу Вас в следующем номере журнала «ВК» поместить нижеследующее.

В журнале нашем от 10 октября с. г. № 184 на странице 22-й воспроизведено письмо, подписанное «С. Л. Тыщенко, член Кубанской Рады». Самым решительным образом заявляю, что подпись «член Кубанской Рады» не соответствует действительности, т.

к. С. Л. Тыщенко никогда, нигде и никем не выбирался в Кубанскую Раду.

Чтобы не быть голословным, привожу в хронологическом порядке выборы членов Кубанской Радой, как от нашей станицы, так и от частей, находившихся на фронте.

В 1917 г. в первую Кубанскую Раду от нашей станицы были выбраны мой родной брат, а его (С. Л. Тыщенко) двоюродный Иосиф Алексеевич Тыщенко и Михаил Гордеевич Лапыгин. (Последний умер от чахотки в 1918 г. в мае месяце). В том же 1917 г. в Кубанскую Раду от 6-й запасной пешей сотни был выбран мой станичник хорунжий Яков Карпович Хлопков. (Убит на фронте против большевиков в конце 1918 г.).

После освобождения Кубанского Края от большевиков, в конце 1918 г. были назначены перевыборы членов Куб. Рады и от нашей станицы оказались избранными опять Иосиф Алексеевич Тыщенко и фельдшер Тимофей Иванович Пацуков. Кандидатами им — сотник Ф. П. Дьяченко и студент Н. З. Милькин. Эти члены Кубанской Рады, Тыщенко и Пацуков, оставались ими до последних дней эвакуации.

О вышеизложенном С. Л. Тыщенко великолепно знает, но я удивляюсь, как он посмел присвоить себе имя члена Куб. Рады.

С искренним к Вам уважением

Иван Алексеевич Тыщенко
Казак ст. Вознесенской, ККВ.

18 октября 1935 г. Франция.

НЕОБХОДИМАЯ ПОПРАВКА

В «Вестнике Донского Атамана», в отделе приветствий, помещено приветствие от джигитов во Франции.

Настоящим заявляю, что группа джигитов, шефом которой являюсь я, никаких приветствий гр. Граббе не посылала.

С. Шепель

РОЗЫСК

Розыскиваю: войск. старш. Петра Алексеевича Кундрикова (ст. Новочеркасской) и Ивана Александровича Фомина. Отвечать по адресу:

M-eur Boldyreff, chez boulanger, Andabre par St Gervais sur Mare (Herault), France.

Украинская Книжная Агентура в Париже

под руководством I. ХМЕЛЮКА

предлагает Гг. читателям «Вольного Казачества»
книги по казачьему вопросу.

Условия приобретения книг: только за наличные при заказе плюс 10% стоимости заказа на перес. Заказы направлять по адресу редакции журнала
«ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО»

10, Rue Victorien Sardou, Paris (16).

FRANCE.

Краснов. Казаки в Абиссинии. 1897-98 гг. Рис. в тексте и на отд. лл. 472 стр. 18
Краснов. Земля Войска Донского. Карты. 1836. 553 стр. 50

Кривошеков А. Историч. судьбы Оренбургского края. Кратк. оч. заселения и развития края. Уфа. 1913. 45 стр. 7
Кубанское каз. Войско 1688-1888 гг. Сборн. крат. свед. о войске под ред. Фелицына. Многоч. снимки на отд. лл. 1888. 433 стр. 70
Кубанский сборник 1883 г. 114 стр. Фелицын. Кубанская справочная книга на 1883 г. 251 стр. Оба труда вместе 45
Кубань и Черноморское побережье. Справочн. кн. 1914. 355 стр. 18
Кузнецов. Сказания и догадки о христианском имени Ермака. 1891. 35 стр. 6
Левшин. Историч. и статист. обозрение уральск. казачества. 1823 84 стр. 30
Леонтович Ф. Адамы кавказских горцев. Материялы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. 1882-83. 2 вып. 437 и 396 стр. 125
Леонтович. Тоже только вып. 1-й. 437 стр. 50

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

Продолжается подписка

на иллюстрированный журнал литературный и политический

ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО — ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО

выходит 10 и 25 числа каждого месяца

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
Во Франции	30 фр.	60 фр.	3 фр.
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	100 лей	200 лей	10 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0.50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	4 долл.	0.20 долл.

За перемену адреса следует присылать: во Франции 1 почтовую марку за 90 с., из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: М. I. Bilyi, 10, rue Victorien Sardou — Paris (16)